

ТЮТЧЕВ

ТЮТЧЕВ

Г

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

советский
писатель

Ф. И. ТЮТЧЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

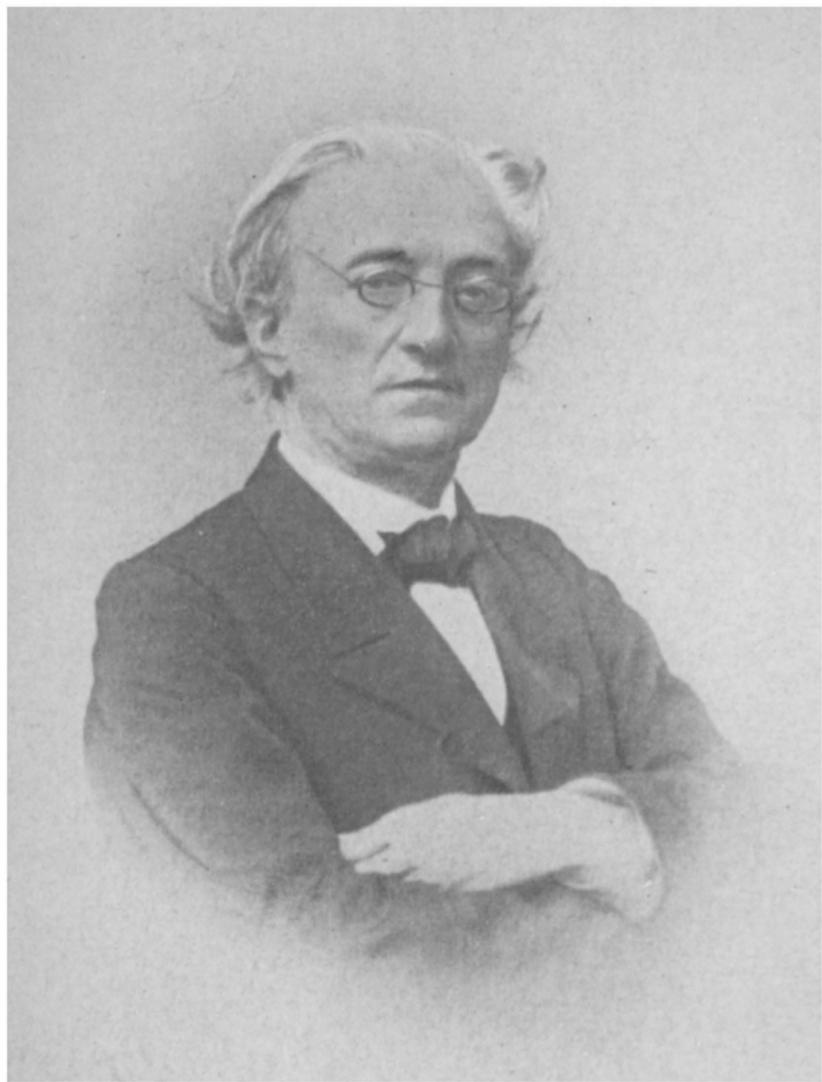
Вступительная статья и подготовка текста
Н. Я. Берковского

Примечания
Н. В. Королевой

москва - ленинград

1 9 6 9

В сборник включены избранные стихотворения Федора Ивановича Тютчева (1803—1873) — замечательного поэта-лирика, оставившего яркий след в истории русской и мировой поэзии. Его стихотворения высоко ценили Пушкин, Некрасов, Тургенев, Лев Толстой. Тютчев был одним из любимых поэтов В. И. Ленина. Лучшие образцы философской, пейзажной и интимной лирики Тютчева сохраняют свое обаяние до сегодняшнего дня.

Ф. П. ТЮТЧЕВ

Имя Федора Ивановича Тютчева, великого нашего поэта, соседствует в русской поэзии с именами Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Родился Тютчев в старинной дворянской семье, в селе Овстуг, Брянского уезда, Орловской губернии, 23 ноября (5 декабря) 1803 года. Юные годы Тютчева прошли в Москве. Он рано проникся литературными интересами, стал следить за русской поэзией. Знание латыни и новых языков открыло ему широкий доступ к литературам древнего мира и новоевропейским. С 1819 года по 1821 Тютчев обучался в Московском университете, на словесном отделении. С 1822 года началась его служба по министерству иностранных дел. Родственные связи доставили ему в том же году место при русской дипломатической миссии в Мюнхене, — место, впрочем, очень скромное, долгое время сверх штата, и только с 1828 года он повысился в чине — всего лишь до младшего секретаря. Ни тогда, ни после Тютчев не стремился к служебной карьере, хотя не был богат и казенный оклад отнюдь не был лишним в его бюджете.

Тютчев провел за рубежом двадцать два года,

из них двадцать лет в Мюнхене. Он был дважды женат, оба раза на иностранках, женщинах из родовитых семейств. Его обиходный язык и за границей и позднее, по возвращении в Россию, был язык международной дипломатии — французский, которым он владел до тонкости. Обширную свою переписку Тютчев, за малыми исключениями, всегда вел на том же языке. Даже свои публицистические статьи он писал по-французски. Из этого нельзя делать выводы, что Тютчев терял духовную связь с Россией. Русская речь стала для него чем-то заветным, он не тратил ее по мелочам бытового общения, а берег нетронутой для своей поэзии (об этом хорошо писал его биограф, Иван Аксаков).

Мюнхен во времена пребывания там Тютчева был одним из духовных центров Германии и даже более того — Европы. Мюнхен отличался тогда богатством жизни художественной и умственной, хотя над ним и тяготел баварский клерикализм. В академическом Мюнхене главенство принадлежало стареющему Шеллингу и натурфилософам родственного с ним направления. Тютчев встречался с Шеллингом, и, вероятно, встречи эти более интимным образом приобщили Тютчева к немецкой философии. При всем том, хорошее знакомство с учением Шеллинга и с другими философскими учениями тогдашней Германии возникло вовсе не по случайным обстоятельствам биографии Тютчева, судьбой занесенного в столицу Баварии. Еще до отъезда Тютчева из России и целых два или три десятилетия после того в

Москве, в Петербурге сильна была тяга к освоению немецкой культуры — философской, научной, художественной. Тютчев как бы выехал навстречу к ней в Мюнхен, а тем временем русские деятели изучали ее и оставаясь дома, без непременно заграничных путешествий. Интерес к Шеллингу соединялся у Тютчева с любовью к поэзии и к философии Гете — «языческой», как тогда ее называли немцы. Шеллинга да и вообще немецкую духовную культуру Тютчев созерцал сквозь Гете, и этот способ восприятия имел оздоравливающее значение, — Гете, реалист и в области искусства, и в области отвлеченной мысли, усиливал для Тютчева добрые влияния, исходившие от культуры Германии, и задерживал, разрежал, сколько мог, влияния всего слабого, темного в ней, хилого, схоластического.

С Мюнхена началась и дружба Тютчева с Генрихом Гейне — самым смелым и свободомыслящим писателем тогдашней Германии. На поэзию Гейне Тютчев откликался до самого конца своей жизни — то переводами, то свободными вариациями, то цитатами или полуцитатами из стихов Гейне в собственных стихах.

Связи Тютчева с культурой Запада иногда изображаются односторонне — их сводят к немецким только связям. На деле же для Тютчева имели немалое значение и другие европейские авторы: он усвоил поэзию Байрона, не однажды обращался к Шекспиру, отлично знал французский романтизм, французский реалистический роман, французскую историческую науку.

Мюнхен и Бавария, а потом на время Турин и Италия поучительны были для Тютчева не только сами по себе — они «вдвинули» его в Европу, из этих городов ему хорошо видна была политическая и культурная жизнь других европейских столиц. Дипломатический чиновник, отнюдь не отличавшийся прилежанием, способный повесить замок на двери своей миссии и уехать в другую страну ради сугубо личных дел без уведомления о том начальства, как это и случилось с ним в Турине, Тютчев тем не менее страстно занят был вопросами внешней политики. Он лучше был осведомлен о происходящем в Европе, чем его непосредственные дипломатические шефы, и у него создавались смелые политические концепции, которые не снились этим людям, навсегда пришитым к бумагам, входящим и исходящим. В мюнхенский период у Тютчева вырабатывается свой взгляд на судьбы Европы, он обогащается мировым историческим опытом, с точки зрения его судит русские дела и, наоборот, — сквозь призму русских проблем оценивает ход всемирной истории.

В 1844 году Тютчев переселяется в Россию, в Петербург. И здесь он снова, после некоторого перерыва, на службе в министерстве иностранных дел. С 1858 года он председатель Комитета иностранной цензуры.

Как это было и за границей, служебная деятельность не занимала Тютчева. Он оставался прежде всего светским человеком, завсегдаем аристократических салонов Петербурга и Москвы, — в старшей столице Тютчев бывал часто

и ощущал там себя не гостем, а своим. Сохранилось много воспоминаний о светском Тютчеве, кумире стариков и молодежи, баловне женщин. Он был прославлен как великий мастер салонной беседы, как остро слов, автор устных афоризмов, передававшихся из одной гостиной в другую. Предшественниками его на этом поприще были князь Козловский, князь Вяземский. Соперники его по искусству блестящего разговора — тот же Вяземский, Соллогуб, Григорович — отзывались о его беседах с признанием и восхищением. Но салонное красноречие Тютчева далеко не до конца было бесцельным, как это водилось у прежних говорунов, обветшавших уже к его времени. Тютчев исподволь создавал общественное мнение, словом своим казнил инакомыслящих, осмеивал неудачные шаги правительства, подвергал критическому обзору иностранные дворы. Излюбленная сфера разговоров Тютчева — внешняя политика. Он по-своему делал ее — не в министерстве, а в светских домах. По письмам его мы знаем о постоянных его разъездах. Летом он остается в Петербурге и ездит с разговорами то на Елагин остров, где проводила летние месяцы аристократия, то в Царское Село, то в Петергоф, где мог застать придворных и двор. Он внушает светским женщинам свои политические идеи; второй жене своей, урожденной баронессе Пфедфель, он посылает в орловскую деревню письма, пространно трактующие дела Запада и Востока — дипломатические и военные. Через женщин, приверженных к нему, через родню, друзей Тютчев

надеется довести свои политические соображения до царя, до канцлера, до министерств. Он хочет обосновать по-своему политику Российской империи в Европе, по-своему направить ее, — напрасный труд. Политическая мысль Тютчева чересчур осложнена философией, в ней слишком много изощренности и эстетики. Власть не любила, чтобы ее интересы защищали оружием, которым она сама не владела. Тютчев, изготовлявший такое оружие, казался власти человеком ненадежным, вызывающим опасение, она редко выслушивала его, а чаще отдаляла. Александр II при случае отозвался о Тютчеве неласково. Самому же Тютчеву оставалось дивиться на умственную неповоротливость правительства, на его трусость перед идеями, которые, казалось бы, к нему же спешат на помощь. Не однажды Тютчев мстил правительству злыми эпиграммами, устными и написанными пером, — устные были в прозе, письменные — в стихах.

Тютчев задумал большой трактат, политико-философский, под названием «Россия и Запад». Он его частично выполнил, три большие статьи — «Россия и Германия» (1844), «Россия и революция» (1849), «Папство и римский вопрос» (1856) — могут рассматриваться как подготовительные шаги к нему. Сочинения эти тяготееют к излюбленным идеям славянофилов и панславистов. К концу 40-х годов Тютчев стал проповедовать политическое и духовное обособление России от Европы. Согласно его трактатам, Россия — великая патриархальная империя, опора поряд-

ка, исповедница христианского безличия и смирения. Христианская идея отлично уживалась у Тютчева с завоевательным пафосом, с призывами к расширению территорий, к захвату Константинополя, который должен был, по его теории, оказаться центром государства, объединяющего славянские народы под властью русского царя. Сходные мысли высказывались в политических стихотворениях Тютчева. Политические идеалы Тютчева отчасти сложились под воздействием всего пережитого им в Европе: христианская кротость и любовь должны были спасти Восток от анархического состояния буржуазных обществ Запада, от непомерного индивидуализма, там господствовавшего, этому же служила, в представлениях Тютчева, патриархальная государственная власть. Но сам Тютчев слишком был затронут новой европейской культурой.

Национальное государство, ведущее наступательную политику, — тот же воинствующий индивидуум, агрессивные свойства которого передвинуты на коллектив. Позднее у Достоевского в «Дневнике Писателя» мы находим ту же двойственную проповедь христианского смирения внутри общества и милитаристской «языческой», наступательной государственности на арене международной. Достоевский, как и Тютчев, не справился с индивидуализмом: изгнанный, он возвращался к обоим в виде, не всегда для них самих узнаваемом.

Публицистика Тютчева и его политические стихотворения близки к тому, что диктовала ему

биографическая среда, каковы бы ни были размолвки его с нею. Тут виден дворянин, чиновник империи, оратор салонов. В политических писаниях участвует не весь Тютчев, они взяты как бы с поверхности его сознания и полностью не совпадают даже с его бытовой личностью. Монархист по убеждениям, связанный с царским двором, при встрече на балах, на приемах он не узнает в лицо высочайших особ — так мало они занимают его на деле, так нереальны они для него. Заскучав на парадном богослужении в Исаакиевском соборе, он бежит на улицу в своем камергерском мундире, являя собой перед мимоидущими ряженого. Самодержавие и православие в зримом своем виде действовали на него томительно-угнетающе. Первый его порыв был спрятаться от них подальше. Устные отзывы его о правительстве нередко превышают возможное и мыслимое для человека, который ощущает себя своим в среде официальных лиц и связей.

Глубочайшие и лучшие силы личности Тютчева ушли в лирическую поэзию. Здесь он наедине с самим собою, без давления извне, добровольно или недобровольно принятого. Он жил заодно с природой, сливался с нею, а через природу — с большим миром, с его стремлениями, без оглядки на то, как судят о них двор и канцелярии. В лирике своей Тютчев находит самого себя, и, что существенно, заодно он вступает и в широкий мир исторической жизни, современной ему. Прямая, непосредственная связь с большим современным миром способствует очищению и росту

личности поэта. Как человеческая личность Тютчев необыкновенно возвышается в своих лирических стихотворениях. Он сбрасывает с себя все, что могло бы умалить его; кажется, что он освобождается даже от своих физических черт, от постоянной своей телесной ущербности. Маленький, тщедушный, зябкий, вечно недомогающий, в лирической поэзии он приобретает стихийный голос, неслыханное могущество, способности судьи, кудесника, пророка. Политические идеи Тютчева — это и борьба с веком, это и борьба Тютчева с самим собой, с собственной лирикой, к счастью, не дававшая побед. Биографический метод бессилен перед лирикой Тютчева. Биографический метод притязает на объяснение, и к тому же исчерпывающее, всего, что сотворил поэт. В отношении Тютчева загадкой, предметом, требующим особого толкования, становится сама биография — так мало соизмерима она с содержанием и характером его лирической поэзии. Биограф должен проделать обратный путь — не от биографии к поэзии, но от поэзии к биографии, указанное поэзией он должен искать и разыскивать в самой личности поэта, причем это задача нелегкая: поэзия ставит вопросы, а биография едва в силах на них ответить. Простые, снаружи видные факты здесь мало помогают. Быть может, что-то приоткрывается через вечные скитания Тютчева, через вечные его разъезды то по России, то по западным странам, через его бытовую и духовную неоседлость, неустроенность, через его духовное беспокойство, через болезнен-

ную его жажду общения, как если бы он постоянно терял связь с людьми, его окружающими, и тут же торопился восстановить ее, при любых обстоятельствах и во что бы то ни стало. Современники рассказали нам обо всем этом. Тютчев как бы тяготился своей бытовой оболочкой; в путешествиях, в почти богемной жизни, малопоходящей аристократу, которую он вел, Тютчев как бы стремился износить эту оболочку, истрепать ее, превратить в клочья, едва прикрывающие нагое тело, нагую душу.

Одно событие, очень важное в жизни Тютчева, оставившее следы в его поэзии, привело его в прямую оппозицию светскому обществу. С 1850 года начинаются отношения Тютчева с Еленой Александровной Денисьевой, племянницей инспектриссы Смольного института, где обучались две дочери Тютчева. Когда Тютчев познакомился с Денисьевой, ей было двадцать четыре года. Связь их длилась четырнадцать лет, вплоть до смерти Денисьевой, — большая злою чахоткой, вконец измучившей ее, Денисьева умерла 4 августа 1864 года. День этот остался в памяти Тютчева как день непоправимой скорби. У Денисьевой и Тютчева родились дочь и двое сыновей. С официальной своей семьей Тютчев не порывал, тем не менее в гостиных Петербурга и окрестностей его нещадно поносили — ему не могли простить этот роман на стороне, потому что здесь была подлинная страсть, не таимая от света, отличавшаяся постоянством. На самое Денисьеву было воздвигнуто общественное гонение.

Трудны и тяжелы были для Тютчева и сцены, нередко происходившие между ним и Денисьевой. Мы знаем о ней мало помимо стихов, посвященных ей Тютчевым. Отрывочные сведения, дошедшие до нас, рисуют нам Денисьеву с чертами иных героинь Достоевского, душевно растерзанных, способных к самым мрачным выходкам.

Судьба Тютчева как поэта не совсем обычна. С пятнадцати лет он уже поэт, который печатается, и все же долгие годы он остается почти без читателей. В 1836 году Тютчева напечатал Пушкин, — в журнале «Современник» появился цикл под названием «Стихотворения, присланные из Германии», за подписью Ф. Т. Несмотря на дружественный прием со стороны поэтов пушкинского круга, Тютчев все же не вошел тогда подлинным образом в литературу. Лишь в 1850 году в том же «Современнике», издававшемся теперь уже совсем иными людьми, прозвучало уверенное суждение Некрасова о Тютчеве как о замечательном русском поэте, одном из первенствующих. В 1854 году впервые появился сборник стихотворений Тютчева. Мнение Некрасова о Тютчеве подтвердили Добролюбов и Чернышевский. Тютчев стоял очень высоко для Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Фета, Майкова. Его достижения в поэзии для них бесспорны, он для них — любимый спутник в собственных их раздумьях, они его крепко помнят, цитируют, отзываются ему в собственных произведениях.

Тютчев сам был виновником замедленного своего продвижения в читательскую и литератур-

ную среду. На судьбу своих стихов он взирал с равнодушием, которое иным казалось загадкой. Делом необходимости было для него писать их, а будут ли они напечатаны, где и когда, он предоставлял решать случаю. Историки литературы пытались порой опровергнуть факт безразличия Тютчева к собственным стихам. Удавалось доказать, что иной раз Тютчев проявлял несколько большую заинтересованность, чем это бывало обычно, — только и всего. Когда Иван Аксаков подготовил к новому изданию стихотворения Тютчева, то он не мог добиться, чтобы Тютчев хотя бы бегло просмотрел рукопись.

Вероятно, тут действовали многообразные мотивы. Пушкин говорил: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Тютчева, который был лириком, приглашали продавать именно вдохновение — лирическую исповедь в стихах, и он уклонялся от этого. Было и другое: поэзия Тютчева, которую приветствовали люди, чуждые ему по направлению, отдайся он ей всецело, последуй он сам за нею, привела бы его к разрыву с обычной для него светской средой. Поэзия сама исторгла бы его из этой среды, а он не был готов к коллизии столь решительной. Он предпочел главное дело своей жизни, поэзию, рассматривать как нечто, не до конца для него обязательное, как приватное, домашнее занятие.

Не будучи профессиональным литератором, Тютчев поддерживал, однако, живые связи с русскими писателями. Многих из них он не обошел вниманием и знакомством. В поздние свои годы

он все еще считал себя современником Карамзина и Жуковского, но водился с Л. Толстым (родственником своим с материнской стороны), с Тургеневым, с Достоевским, которых читал пристально и о которых судил весьма неравнодушно. В орбиту его знакомств и интересов попадали и такие далекие от него по складу своему авторы, как Мей, Мельников-Печерский, Писемский. Анализ стихотворений Тютчева показывает, что все примечательное, написанное на его памяти порусски — стихами или прозой, не прошло бесследно для его поэзии.

С начала 1873 года Тютчев был тяжело болен, но болезни своей признавать не хотел и порывался к деятельной жизни. Скончался Тютчев 15(27) июля 1873 года в Царском Селе после долгих страданий, не уничтоживших в нем бодрости духа. На смертном одре он все еще был поэтом, политиком и домогался от посетителей последних политических известий, пытался диктовать стихи, уже не всегда связные. Едва он оправился от своего последнего припадка, как уже стал расспрашивать о подробностях взятия Хивы. Для смерти этот человек, столь духовно живучий, столь враждебный ей всем своим бытием, не был легкой добычей.

2

Тютчев сложился как поэт к концу 20-х — началу 30-х годов XIX века. К этому времени он стал человеком, для которого Европа была при-

вычна. Тогдашний день Европы был пережит им с необыкновенной интенсивностью. Несомненно его духовные связи с европейской мыслью и с литературой той поры. Но Тютчев никому не подражал, ни для кого из авторов не сочинял подсобных иллюстраций. У него собственное отношение к предмету, который породил западных поэтов и философских писателей, к реальному бытию европейских народов. Он испытал на самом себе Европу того периода, недавно вышедшую из французской революции и создающую новый, буржуазный порядок. Порядок этот теснила Реставрация, но и сам он теснил ее. Предмет тогдашней европейской мысли и поэзии был также и предметом Тютчева, находился у него в духовном обладании. Поэтому никто из европейских писателей не мог воздействовать на Тютчева деспотически. Писатели эти — пособники, советчики при Тютчеве, до конца духовно самостоятельном. Тютчев пришел из отсталой страны, но это не препятствовало ему ценить и понимать прогресс, который совершался на Западе, который указывал ему, каков будет завтрашний день России. Европейский опыт был наполовину чужим, наполовину своим. Ход истории внушал, что новая цивилизация уже становится для России той же актуальностью, что и для Запада. Тютчев и в 20-х, и в 30-х, и в 40-х годах занят темой, столь же западной, сколько и национально-русской. Тютчева беспокоило то в Европе, что надвигалось и на Россию. Тютчев во многих своих стихах как поэт лирический предвосхитил боль-

шие темы, общественные и личные кризисы, о которых через четверть века, не ранее того, поведал миру русский психологический роман Достоевского и Л. Толстого.

Но Тютчев в русской поэзии, в русской литературе не только предвосхищал, он также и наследовал многое. Связи его с русской поэтической традицией часто заходят далеко в глубь времени — он связан с Державиным как поэт возвышенного стиля, отдавшийся большим философским темам. При этом происходит характерная перемена. Возвышенное у Державина и его современников — по преимуществу официально возвышенное, получившее свои санкции от церкви и от государства. Тютчев по собственному почину устанавливает, что именно несет на себе печать возвышенного, и возвышенными у него оказываются существенное содержание жизни, ее общий пафос, ее главные коллизии, а не те принципы официальной веры, которыми воодушевлялись старые одические поэты. Русская высокая поэзия XVIII века по-своему была поэзией философской, и в этом отношении Тютчев продолжает ее, с той немаловажной разницей, что его философская мысль — вольная, подсказанная непосредственно самим предметом, тогда как прежние поэты подчинялись положениям и истинам, заранее предписанным и общеизвестным. Только в своей политической поэзии Тютчев зачастую возвращался к официальным догмам, и именно это наносило вред ей.

Связан Тютчев, конечно, и с развитием русской

*

интимной лирики, начиная с Карамзина и с Жуковского. К Жуковскому и к его поэзии Тютчев до конца жизни сохранил благодарное отношение. Очень сложны и не сразу открываются связи Тютчева с Пушкиным, — нередко делались попытки полного обособления этих двух поэтов друг от друга. Нет сомнения, что Тютчев с годами не отдалялся от Пушкина, но приближался к нему. Психологический анализ в лирике зрелого Пушкина оказался стихией, все более привлекавшей к себе Тютчева, вначале дорожившего лиризмом в непосредственных его формах, родственных поэзии Жуковского.

В некоторых своих интересах и в подробностях поэтики, часто весьма специальных, Тютчев совпадает с поэзией московских «любомудров» — с Шевыревым и с Хомяковым. Впрочем, Хомякова не обольщало сходство его с Тютчевым, и он отлично сознавал, насколько Тютчев стоит выше по своему поэтическому рангу.

Тютчев по своим устремлениям порой перекликается с Баратынским, будучи, однако, поэтом, глубже осознавшим собственную проблему и вследствие этого более свободным, чем Баратынский.

Подобно Гейне, мюнхенскому своему приятелю, Тютчев начинает литературную жизнь среди европейских революций 20-х годов, сделавших кризис Реставрации несомненным, хотя Реставрация и выстояла против них. Нам не должны смущать непосредственные политические высказывания Тютчева, холодные и вялые слова, написанные

им по поводу «Вольности» Пушкина, едва ли дружелюбные строки, обращенные им к декабристам. Тут перед нами не весь Тютчев, не самый бесспорный. Тут больше биографии Тютчева, чем поэзии его. Всем лучшим составом своей души Тютчев стоял в родственно близких отношениях к беспокойствию и тревоге, господствовавшим тогда в Европе. Осознавал то Тютчев или нет, но именно Европа, взрытая революцией 1789 года, воодушевляла его поэзию.

Когда мы утверждаем, что перед Тютчевым созидался новый социальный мир — мир буржуазии, с ее цивилизацией, с ее формами сознания, с ее эстетикой и нравственностью, — то нужна оговорка. Вернее было бы сказать, что этот новый социальный и культурный мир для Тютчева и для современников его сперва был безымянным и только медленно приобретал имя, определенность. Не столь важно, как они его называли сами. Важно, что имя пришло не сразу, оставляя простор ожиданиям, обещаниям, надеждам. Казалось, что возник на месте учреждений старого режима мир неслыханно прекрасный и свободный. Проходили годы и десятилетия, прежде чем стало ясным, насколько не случайны границы, в которые заключило себя новосозданное общество, границы, узость которых ощущалась уже вначале.

Тютчев видел вещи двояко, и в этом был дар его времени, — он видел их во всей широте их возможностей, со всеми задатками, вложенными в них, и он видел их со стороны складывавшихся

итогов. Перед ним расстилалась романтическая, становящаяся Европа, и он знал также Европу ставшую, отбросившую романтизм, указавшую всякому явлению его место и время — «от сих и до сих». Сразу же скажем, в чем состояла главнейшая духовная коллизия Тютчева: в вечном ропоте «возможного» против «действительного», в вечных столкновениях между стихией жизни как таковой и формами, которые были указаны ей на ближайший день историей.

Старый порядок в Европе рушился, философы и писатели мысленно довершали его разрушение там, где оно еще не произошло на деле. В этот период, когда все в Европе создавалось заново, а вещи стойкие представлялись обреченными, естественным было торжество философских и поэтических концепций, ставивших во главу всего творимую жизнь. В первой сцене из «Фауста» Гете (в переводе Тютчева) говорится: «Волны в бореньи, стихии во преньи, жизнь в измененьи — вечный поток. . .» Романтическая Европа, далеко без полных прав на это, восприняла «Фауста» Гете как произведение, совпадающее по пафосу своему с нею. Во всяком случае, концепция «вечного потока жизни» соответствовала устремлениям романтиков. И они видели повсюду этот поток, обращенный против застоя, способный всех увлечь за собой и всё победить. Тютчев переводил монологи Фауста из сцены первой, как если бы они были также и его собственным высказыванием. Он оставил нам немало переводов. Они не делались ради популяризации, с отвлеченною

просветительную целью. Тютчев переводил, если чужие стихи могли быть первым очерком его будущих собственных, не однажды чужими стихами он загодя готовил себя к стихам своего сочинения.

Если современный мир уже отчасти построен заново, то Тютчев отнюдь не считает, что он построен должным образом. По Тютчеву, мир, окружающий его современников, едва им знаком, едва освоен ими, по содержанию своему он превышает их практические и духовные запросы. Мир глубок, таинствен. Тютчев пишет о «двойной бездне» — о бездонном небе, отраженном в море, тоже бездонном, о бесконечности вверху и о бесконечности внизу.

«Стихии во преньи» — переводит Тютчев строку из «Фауста». Он стремится рассматривать вещи «во преньи», иначе говоря, в их противоречиях. Позднее написано будет стихотворение о «близнецах»: «Есть близнецы — для земнородных два божества, — то Смерть и Сон. . .» Близнецы у Тютчева не двойники, они не вторят друг другу, один — рода женского, другой — мужского, у каждого свое значение, они совпадают друг с другом, они же и враждуют. Современник философской диалектики Шеллинга и Гегеля, Тютчев содержал ее в собственной крови. Для него естественно всюду находить полярные силы, единые и однако же двойственные, сообразные друг другу и однако же обращенные друг против друга.

«Природа», «стихия», «хаос» на одной стороне, цивилизация, космос на другой — это едва ли не

важнейшие из тех полярностей, с которыми имеет дело Тютчев в своей поэзии. Образ и идею «хаоса» он берет через Шеллинга из античной мифологии и философии. Хаос соотносителен космосу — упорядоченному, благоустроенному миру. Хаос — условие, предпосылка, живой материал для космоса. Понятие космоса в античном смысле его не встречается в поэзии Тютчева. Оно присутствует в ней отрицательным образом — как нечто, противостоящее понятию «хаос», как его «близнец», которому оно и соответствует и не соответствует.

Современник эпохи, в которой все созидалось заново — и техника, и быт, и человек, и отношения людей, — Тютчев усвоил себе особый взгляд на вещи: они для него были плавкими, видоизменяемость входила в главный принцип их. Тютчев делит их, различает в них элементы; вещи, недавно казавшиеся простыми, под рукой у Тютчева проявляют свою многосложность. Но Тютчев различает, делит, с тем чтобы снова и самым неожиданным образом сблизить разделенное. Он исходит из предположения, что все существующее обладает единством, что всюду скрывается однородность. Можно думать, он ради того и разбирает оттенки явлений, противопоставляет одно явление другому, чтобы глубже проникнуть в единую природу, в которой все они содержатся. Поэзия классицизма поступала по-иному. Для нее мир был строго расписан по логическим отделам и подотделам, исключаяющим всякое взаимное смешение. Следы этого мы находим еще у

Пушкина. В его элегии «Погасло дневное светило. . .» (1820) повторяется строка: «Волнуйся подо мной, угрюмый океан. . .» Волны океана суть у Пушкина не что иное, как именно волны океана, волны материальные, природе материальных вещей принадлежащие. В элегии велик соблазн объединить в одно волнение души с морским волнением, но все же Пушкин не позволяет двум категориям сплыться так, чтобы граница между ними утерялась. Мы читаем в элегии: «С волненьем и тоской туда стремлюся я. . .» У этого «волненья» опасная близость к словам рефрена «Волнуйся подо мной. . .», и тем не менее здесь и там — разные слова; мостов метафор и сравнений Пушкин между ними не перебрасывает. У Пушкина дается отдаленный намек на возможное отождествление двух понятий, двух слов, двух образов, относящихся к внешней жизни и к внутренней жизни, на самом же деле отождествление не происходит. Совсем по-другому пишутся стихи у Тютчева: «Дума за думой, волна за волной — два проявленья стихии одной. . .» Уподобление волны морской человеку, его душе — одно из наиболее привычных в поэзии Тютчева. Для Тютчева нет больше заветных старых границ между одними категориями жизни и другими. В отношении поэтического языка и образности Тютчев беспредельно свободен. Он заимствовал из своей эпохи дух ниспровержения. У Тютчева-поэта отсутствуют какие-либо незыблемые принципы иерархии вещей и понятий: низкое может сочетаться с высоким, они могут ме-

няться местами, они могут бесконечно переоцениваться. Поэтический язык Тютчева — это бесконечный обмен образа на образ, неограниченная возможность подстановок и превращений. В стихотворении «Конь морской» взят образ натурального коня, того самого, которого содержат в конюшне, со всеми словами натурального значения, относящимися к нему. На элементарные образы и слова набегает, набрасываются совсем иные, более высокого поэтического ранга, — слова о морской волне. И те, и эти проникают друг в друга, одни становятся на место других, во второй половине стихотворения вплоть до последней, заключительной строки мы все читаем о коне, а косвенно здесь описана волна морская, и только последняя строка внезапно обнаруживает ее. В «Коне морском» дается цепь сравнений. Еще не все исчерпано сравнением коня и волны морской. В стихотворении подразумевается третья, самая высокая сила — душа и личность человеческая. Они подобны волне, и они же трагически отличны от нее. Изменчивые, как волны, нестойкие в том или ином образе, полученном ими, они не столь весело и беззаботно прощаются с этим своим образом, как делают это морские волны — морские кони.

Тютчев не ведает предрассудков в своем поэтическом словаре, он сближает слова разных лексических разрядов, метафора у него объединяет слова и понятия, на многие и многие версты удаленные друг от друга. Царство языка у него проходимо все насквозь, во всех направлениях,

как проходим у него, без застав, весь реальный мир. Время Тютчева — время отмены в Европе старых привилегий и преимуществ, время возвращения к первоначальному равенству, на основе которого, как предслагалось, должны были поновому возникнуть различия как в среде вещей, так и в среде людей. Всеобщая плавкость, всеобщее возвращение к первостихии, к «хаосу», к «природе», из которых заново вырабатываются космос и культура, — вот что лежит в последней глубине тютчевских представлений о мире и тютчевского языка.

Мир для Тютчева никогда и ни в чем не имеет окончательных очертаний. Все предметы, все законченные образы ежедневно рождаются заново, должны ежедневно подтверждать себя. В существе своем они всегда текучи. Тютчев в стихотворении «Альпы» описывает, как рождается в Альпах утро, — после тяжкого распада, происшедшего ночью, опять складывается светлый, блистающий альпийский пейзаж. То же понимание природы в «Утре в горах» — за радостным обликом ее стоит предварительная трудная работа: были палаты, они стали руинами, и из руин возводятся опять палаты. Замечательно стихотворение более зрелой поры «Вчера, в мечтах обвороченных. . .», описывающее, как возникает утро в опочивальне красавицы. Все вещественное, отчетливо зримое представлено здесь полурасплавленным, как бы подсмотрена тайна, что делается с вещами, когда человек не пользуется ими, в тихий утренний час. Ковры — «темно брезжущие».

как называет их Тютчев. Ковры превращены в переливы теней и красок. Женщина, ее постель, предметы вокруг изображаются, как если бы это был материал для костра, который вот-вот возгорится. Солнце вошло в окна, и солнечный свет поджигает одеяло, бежит навстречу красавице. В четырех последних строфах описаны солнце, его утренние похождения, и солнце ни разу не названо, нет существительного, есть только местоимение «оно», есть множество очень цветных, живописных прилагательных, даны и глаголы, не менее живописные. Тютчев лишает солнце предметной формы, все оно — потоки света, змеящаяся сила, обособленная от своей субстанции, явление прелестное, обольстительное и неопределимое: «Дымно-легко, мглисто-лилейно вдруг что-то порхнуло в окно».

По Тютчеву, владеть каким-то явлением — это знать его не только в готовом виде, но и в черновом, недосозданном. Утро нужно знать с самого его рождения, человека — в те минуты, когда открывается подпочва его личности, когда все острое и характерное в нем ослабевает. Это не значит, что Тютчев черновое состояние ставит выше белого, дохарактерное выше характерного. Он хочет знать, какие еще возможности содержатся в человеке, чем и как он способен обновлять себя. Очевидно, в этом смысл стихотворения «Тени сизые смешались...», в котором как бы воспроизводится генезис личной души, начиная от первоначального безразличия, где личное еще не отделилось от безличного, сознательное от

материального — «Все во мне, и я во всем». Здесь допустима некоторая аналогия с Шеллингом, считавшим, что воспроизводить историю вещей, их генезис — это и значит познавать их по существу. В стихотворении «Тени сизые смешались...» человек как бы нырнул в собственную предысторию, которая, однако, шире того, что он сделал из нее в своей сознательной жизни. Здесь слышны и тоска расставания с самим собой, и восторг каких-то новых приобретений, возможных для человеческой личности, познавшей свои богатства, так и оставшиеся без движения. Лев Толстой плакал, читая эти стихи, повествовавшие о том, как человеческая личность предает себя гибели ради собственного возрождения, наступающего вслед за гибелью.

До конца поэтического пути сохранилось у Тютчева чувство первородного целого — того единства, из которого все родилось, а также чувство условности всяких границ между явлениями, понятиями, словами. Метафора у Тютчева готова развернуть свои силы в любом направлении, не боясь, что ей станут сопротивляться. Сопоставления у Тютчева возникают вопреки всем мыслимым преградам. В начале 1871 года Тютчев сочинил четверостишие, необыкновенное по своей поэтической смелости:

Впросонках слышу я — и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

В поздних этих стихах, в предельном виде выражен принцип тютчевского стиля — непризнание категорий как абсолютной силы, отделяющей вещь от вещи. У Тютчева падают преграды времени года, он пренебрегает здесь порядком времени вообще. В этих стихах нет метафор, нет и сопоставлений, — простейшим образом следуют и названы друг за другом явления, которым природа никак не позволяет находиться вместе. Через весь мир идет сквозная перспектива, все прозрачно, все проницаемо, весь мир отлично виден из конца в конец.

По облику своему Тютчев поэт-импровизатор. Он высоко оценивал в человеке игру естественных, произвольных сил. Сам Тютчев в своей поэзии как художник, как мастер опирается на этот элемент «природы» в собственной душе — на стихию импровизации. Тютчев следует собственным наитиям, возлагает надежды на прихоть чувства и мысли — они сами должны вывести его на верный путь. В поэтическом изложении он делает крутые прыжки и повороты, узаконивает внезапные свои находки — будет ли это поэтическая идея, будет ли это слово, — твердо верит в правоту своих догадок, не ища доказательств для них.

Бродить без дела и без цели
И ненароком, налету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту...

В этих стихах — импровизаторская программа Тютчева. Он отдается впечатлениям жизни, идет за ними, благодарный тому, что они подскажут, что внушат. Как подлинный импровизатор, он сочиняет по мгновенно пришедшему поводу, без подготовки и безошибочно верно. Впечатление импровизации, несомненно, придает особую действительность стихам Тютчева. Романтическая эпоха, к которой принадлежал Тютчев, чтит импровизаторов, их считали художниками высочайшего разряда, черпающими из первоисточников жизни и поэзии. Не требовали, конечно, чтобы поэт был импровизатором на самом деле, дающим перед публикой сеансы, как приезжий итальянец, описанный в повести Пушкина. Но от поэтического стиля ждали импровизаторского натиска, неожиданности и стремительности.

3

Тютчев часто и упорно объявлял себя пантеистом. Стихотворение «Не то, что мните вы, природа. . .» — красноречивая декларация пантеизма, притом весьма приближенного к философии Шеллинга.

Пантеизм, в тех или иных своих мотивах, коснулся едва ли не всех людей искусства, подвизавшихся в конце XVIII — в первые десятилетия XIX века. Тут были романтики всех поколений и всех направлений — немецкие, английские, отчасти французские, тут были и в стороне от романтизма стоявшие художники — такие, как

Гете, Бетховен. В России с большей или меньшей явственностью настроения пантеизма уследимы у Лермонтова, Баратынского, Веневитинова, Кольцова. Свое теоретическое обоснование — далеко не всегда заботившее людей искусства — пантеизм получил у Шеллинга в ранней его «философии тождества».

Пантеизм этих десятилетий — явление, двойственное по своему смыслу. Направленный против официальной религии, он все же и сам является религией своего рода. У Тютчева написались стихотворения, почти саркастические в том, что относится к религии и к церковности: «Я лютеран люблю богослуженье...», «И гроб опущен уж в могилу...». Оба они — вызов Реставрации, с всенепременными для нее елейностью и ханжеством. И все же у Тютчева держалась некоторая религиозность даже в самые его вольнодумные годы, — религиозность в шеллинговом, пантеистическом смысле.

Пантеизм устранил религию из ближайшего бытового окружения человека. Под влиянием пантеизма домашние и церковные алтари опустели. Пантеизм отселил религию в глубь природы. Верховное божество прежних религий получило новое имя и осмысление: у Шеллинга это — Абсолют, «Мировая душа», вечная духовная сущность материальной природы, тождественная с нею. Казалось бы, пантеизм сделал серьезные уступки в пользу мира материального. «Нет, моего к тебе пристрастья я скрыть не в силах, мать-Земля!» — пишет Тютчев, в духе шеллинговой философии

оправдывая чувственность. Казалось бы, пантеизм стоит за богатство и красоту развития — под рукой у Шеллинга он и был прежде всего теорией развития. Однако пантеизм при каждой своей уступке слишком многое снова отнимал, пантеистический бог не столько предоставлял на долю материального мира, сколько поглощал в собственную пользу.

Пантеистическая лирика Гете, Байрона, Тютчева следовала своему особому, живому импульсу, была подсказана средой, исторической минутой, обладала чисто светским, психологически реальным содержанием, к которому догматика пантеизма присоединялась только дополнительно. Поэты, художники ощущали огромную жизненную силу, накопленную в них самих, в современниках, и сила эта требовала распространения. По главному импульсу своему лирика Тютчева — страстный порыв человеческой души и человеческого сознания к экспансии, к бесконечному освоению ими внешнего мира. Поэт богат, время его обогатило, и настолько, что собственного духовного бытия ему хватает на других, на все вещи, какие есть в мире. Лирика Тютчева твердит нам о «тождестве» человека и коршуна, который кружит в воздухе, человека и нагорного ручья, человека и бедной ивы, нагнувшейся над водой. В лирике Тютчева весь мир приобщен к сознанию и воле. Отсюда не следует, что «философия тождества» таким образом доказана. На деле доказано совсем иное: вся суть — в человеке, находящемся в центре этой поэзии, в интен-

сивности его внутренней жизни. Щедростью человека, щедростью эпохи, душевно одарившей его, держатся все предметы, описанные в этих стихотворениях, — ивы, камни, ручьи, коршуны, морские волны. Тютчев обладал правом на внутреннюю гиперболу — напряжение души, «энтузиазм» были столь велики, что позволено было возводить их в еще и еще дальнейшие степени. В поэзии Тютчева внутренняя сила жизни далеко отодвигала положенную ей границу, отождествляя себя с предметами предметного мира. Она выражала так свою безбрежность, масштабы своей власти над миром. Эта сила готова была на приступ, если перед ней находились предметы, по сути своей недоступные для нее. Сфера ее распространения — «от земли до крайних звезд», как говорится у Тютчева. Думаем, это и придает всегдашнюю живость пантеистической лирике Тютчева, независимо от самого пантеизма, от его догмы. Вот этот объем жизни, вот эта энергия жизни («струй кипенье»), вот эта вдохновенность и вдохновительность ее — они-то и передаются и будут передаваться от поколения к поколению, независимо от философских концепций, к которым была близка лирика Тютчева. Можно быть равнодушным к этим концепциям, можно быть враждебным к ним, а лирика Тютчева переживается тем не менее с благодарностью, со всей полнотой сочувствия к ней.

Самому Тютчеву концепции и догмы пантеизма нужны были, однако. Сила жизни и сознания в его поэзии, конечно, не являлась одинокой си

лой поэта. Эпохальное, коллективное содержание входило в эту силу, без этого содержания она никла. В 1823 году Тютчев с воодушевлением, очень бодрими словами переводил на русский язык «Песнь Радости» Шиллера, которая как раз и посредствует между старыми деистическими концепциями просветителей XVIII века и новым, романтическим пантеизмом:

Душ родство! О луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает Неизвестный!

«Неизвестный» Шиллера и Тютчева — это высшая санкция, которая дана коллективной жизни людей. «Душ родство» — моральная близость между людьми, санкционированная этой верховной властью, наблюдающей за ними издали. Следует напомнить, что именно в переводе-переложении Тютчева звучит «Песнь Радости» Шиллера у Достоевского в «Братьях Карамазовых», в романе, где по-новому дана жизнь многим из тютчевских мотивов, общефилософских, этических и социальных.

Пантеизм Тютчева — некая утопия, философская, социальная и художественная. Перед современниками Тютчева, пережившими французскую революцию, лежали «хаос», «природа» — первоначальный строительный материал, из которого воздвигались новое общество, новая культура. Пантеизм — это собственный проект строи-

*

тельства, предложенный и Тютчевым и другими в виду реального строительства, которое шло тут же рядом и далеко не всегда их радовало. Нужно было высветлить хаос, внести в него разумную организацию, добро, человечность. Нужно было пустить в дело человеческую рать, в которой все и каждый в действиях своих были бы связаны узами общего замысла. И так как проникнутая индивидуализмом буржуазная общественность не являла собой этих сплоченных сил, то новый град земной строился отчасти по устаревшему образцу, с помощью ангелов, как в Библии.

Этим и объясняется, что поэзия Тютчева, выражавшая мощь человеческого сознания, силу развивающейся жизни, нуждалась все же в некоторых гарантиях религиозного или полурелигиозного характера, а они-то и приходили со стороны «мировой души», прокламированной у Шеллинга.

Как представлял себе Тютчев развитие современного мира в идеальном его образце, можно судить, например, по стихотворению «Над виноградными холмами...» Стихотворение это описательное, замедленное и торжественное. Описано движение, очень плавное, уступ за уступом, от низших областей пейзажа к высшим. Сперва говорится о виноградных холмах, о реке, о горах, которые надо всем нависли, и кончается все «круглообразным светлым храмом», поставленным на краю вершины. Пейзаж с виноградниками — это еще природа, но переходящая в

цивилизацию, это бывший хаос с уже приобретенными чертами культуры и разума. Круглообразный храм — цивилизация, искусство в их чистоте, в освобожденном их виде. Движение завершается храмом — доведено до тех пределов, в которых усматривает свои последние высоты пантеизм. Четыре вступительных строки стихотворения движутся строго параллельно, поэтический синтаксис внутренне соразмерен, эпитеты находятся в центре строк, понятия, к которым эпитеты тяготеют, — на краях, в рифмах. Неспешным движением природа переходит в цивилизацию, в творение рук человеческих, зато переходит — вся. Развитие совершается как бы освобожденное от суетности времени. В последней строке у Тютчева создается атмосфера некоторой блаженной пустоты, — идеал жизни выступает за пределы самой жизни, не допуская вблизи себя ничего способного внести смуту или огрубить его.

Тютчев в такой же степени пантеист и шеллингист, в какой он и бурный, неуправляемый спорщик против этих направлений. Благообразная утопия не могла рассчитывать на его постоянство, он был слишком открыт влияниям действительности. Даты стихотворений Тютчева указывают, что здесь нет никакой хронологической последовательности: сперва одни позиции, потом другие. Свой манифест пантеизма «Не то, что мните вы, природа...» Тютчев пишет, очевидно, в 1836 году, а гораздо ранее, в стихотворении «Безумие» 1830 года, решительно и гневно выска-

зывается против каких-либо идей в шеллинговском духе. Он и верил в эти идеи и не верил поочередно, он метался от утверждения к отрицанию и обратно. Как это почти всегда бывает в его стихотворениях, Тютчев и здесь, в «Безумии», исходит из наглядного образа, со всей энергией прочувствованного, — из этой же энергии чувства почерпается у Тютчева и философская мысль. Описан пейзаж засухи, грозный, безотрадный в каждой своей подробности, бездожде, безветрие, солнечный пожар, человек затерян и затерт в горячих, иссушающих песках. Органическая жизнь, как кажется, прекратилась навсегда. А человек все еще «чего-то ищет в облаках» — ищет пантеистического бога, ищет признаков «мирской души», которая была бы милостива к нему, послала бы дождь, влагу, жизнь. В этом и состоит безумие человека. В последней строфе описано, как человек этот, припавший ухом к земле, надеется услышать движение вод, бьющих под землей. К последней строфе существует комментарий (К. В. Пигарева): Тютчев подразумевает «водоискателей» (*les sourciers*). Комментарий этот можно продолжить. Водоискатели, рудознаты — люди особого значения в глазах Шеллинга и его приверженцев. Водоискатели — посвященные, доверенные лица самой природы. Тютчев мог слышать в Мюнхене о прославленном водоискателе Кампетти, в 1807 году призванном в этот город. Кампетти был любимцем мюнхенских шеллингистов — Риттера, Баадера и, наконец, самого Шеллинга. О водоиска-

телях Шеллинг писал в своих разысканиях о человеческой свободе (1809), хорошо известных Тютчеву. Таким образом, последняя строфа «Безумия» — по сюжету своему «строфа Кампетти» — точно указывает, с каким миропониманием ведет свой спор Тютчев.

В «Безумии» перед нами человек-одиночка, тот самый, для которого непосильно нести на одном себе долг одушевления мира, и поэтому все так бесплодно и безответно вокруг него. Пантеизму нужен был некоторый намек на широкие плечи коллективного человечества, чтобы возложить на них бремя всеобщей одушевленности.

В 1838 году Тютчев написал стихотворение:

С горы скатившись, камень лег в долине. —
Как он упал? никто не знает ныне —
Свалился ль он с вершины *сам* собой,
Или низвергнут *мыслящей* рукой?
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

В 1857 году Тютчев снова воспроизвел это стихотворение — в альбоме Н. В. Гербея, с вариацией в 4-й строке. Вместо стиха: «Или низвергнут мыслящей рукой» написан был стих: «Иль был *низринут* волею *чужой*». Тютчев существенно исправил текст, хотя и с запозданием почти на двадцать лет. В первой редакции тема двоится и теряет ясность: «мыслящая рука» — эпитет сбивает с верного следа. Ведь философский во-

прос не в том, мыслящая ли рука толкнула камень или же не мыслящая. Сюжет и проблема этого стихотворения не в руке, но в камне, в том, какова его судьба, каков способ его существования. В альбоме Гербеля появился, наконец, настоящий эпитет, соответствующий теме: сказано о «воле чужой», а это и было важно, — к камню приложили внешнюю, чужую силу. Спор идет именно по этому поводу: каковы отношения камня ко всей природе в целом, как связаны в природе ее элементы — внешней связью или внутренней. Стихотворение Тютчева и в том и в другом своем виде перекликается с известным высказыванием Спинозы в письме к Г. Г. Шуллеру: обладай летящий камень сознанием, он вообразил бы, что летит по собственному хотению. В позднейшей редакции стихотворение Тютчева отчетливее выражает мысль Спинозы. По Спинозе, природа неорганична, она механизм сил, соединенных друг с другом внешней причинностью. Раздумья над Спинозой, готовность признать его философию снова показывают нам, как было и в стихотворении «Безумие», сколь часто сомневался Тютчев в природе по Шеллингу — живой и человекообразной. Сам Шеллинг в свое время шел от Спинозы, но ставил себе целью преодолеть его механистические и рационалистические мотивы. Для Тютчева этот сделанный Шеллингом труд преодоления отменяется — перед Тютчевым снова «философия камня», внешних сил, соотнесенных друг с другом по законам механики и геометрии. В стихотворении своем

1836 года Тютчев писал, гневаясь на инакомыслящих:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик...

А здесь он сам уверяет: природа — слепок, природа — бездушный лик, жизнь и сознание — случайный придаток к ней.

Для пантеизма, для философии Шеллинга органическая жизнь являлась ключом к бытию; неживая природа рассматривалась как вырождение органической, как частный и аномальный случай ее.

Пантеизм брал под свое покровительство всю органическую жизнь в целом. Без предпосылок пантеизма перевес, казалось, переходит на сторону механистических концепций, согласно которым жизнь — «игра внешних, чуждых сил». В стихотворении 1836 года Тютчев сталкивает две концепции — органическую и механистическую — ради прославления первой и ради посрамления второй. Но стихи о камне меняют дело, в них все оценки — обратные.

Колебания Тютчева зависели от того, чью точку зрения он принимал — мира возможностей и желаний или же мира наличного и действительного. То и дело Тютчев переходил от мечтаний, «чудесных вымыслов», к фактам, и ему видна была тогда на большую глубину зловещая суть европейской жизни.

Тютчев по-своему и очень напряженно переживал противоречия современного мира. Ему свой-

ственно было и романтическое чувство бесконечности резервов жизни, ее внутренних возможностей, и другое чувство, тоже романтическое, — относительности, стесненности всякой жизненной формы. Что бы ни представало перед Тютчевым, он всегда подозревал великие несоответствия между явным и тайным, наличным и скрывающимся, идущим в жизнь и уже пришедшим в нее. Повседневная практика обнаруживала, что современный мир находится в распоряжении воинствующего индивидуума и его «злой жизни», как названа она в тютчевских стихах. Повсюду сказываются последствия и отголоски этой «злой жизни», столько же губительной, сколько и всепроникающей.

К теме человеческой личности Тютчев относился со страстью, естественной для просвещенного русского, испытавшего режим Аракчеева, а потом императора Николая. Стихи, написанные Тютчевым по поводу его наездов в Россию, всегда об одном и том же: как мало жизни и движения в родной стране, в каком загоне находятся здесь человек и его инициатива. Юным студентом Тютчев говорил Погодину: «В России канцелярия и казарма», «все движется около кнута и чина». В зрелых стихах он пишет о «сне железном», которым все спит в империи царей (сравни с «зимой железной» в стихотворении о декабристах). «Человек лишь снится сам себе», — говорит Тютчев о российской действительности. Он ощущает мертвенный покой; всех и вся умышленно содержат в скудости, проявления жизни похожи на «лихо-

радочные грезы». Были трагические жалобы на социальную несудьбу России у Пушкина, потом у Гоголя. Жалобы Тютчева одного источника с ними.

Личную свободу, возвешенную буржуазными революциями, Тютчев воспринял жадно. В 20-х годах, после смерти Байрона, Тютчев воскрешает байронические темы. Тютчев снова трактует тему личности с первозданной остротой и смелостью.

Лирика Тютчева в отношении личности, трудностей и парадоксов ее судьбы предвосхищает позднейшее — роман Достоевского и Л. Толстого. Буржуазное общество знало только одну форму утверждения личности — индивидуализм, риск индивидуальной свободы, оторванности от массы, свободы для одиночек, то есть свободы фиктивной, так как общество в целом не было свободным, не распоряжалось ходом собственной жизни. Индивидуализм в поэзии Тютчева — горькая неизбежность для современной личности, в такой же степени ее эмансипация, как и разрушение. Индивидуализм — великие притязания и малые свершения, широта, грандиозность жеста и спертость, сжатость, удушье во всем, что относится к внутренней жизни личности. Это полюсы, между которыми качаются и герои Достоевского — Свидригайлов или Ставрогин. Тютчев и сопротивляется индивидуализму, и сам бывает его безвольной добычей. Индивидуализм у Тютчева всего нагляднее выражен в той области, где, казалось бы, он менее всего уместен, — в лирике любви. Если его находят и здесь, то, значит, он вездесущ.

Лирика любви у Тютчева подчеркивает, что нет и в любви внутренних путей от человека к человеку. Любовь у Тютчева — некоторое самоотчуждение, отказ от собственной личности во всей ее глубине и подлинности. Стихотворение «Восток белел, ладья катилась...» — собственно, рассказ о юной женской душе, которая готовит себя к самозакланию. Она предаёт себя любви, прощаясь со всем беспечным, светлым, святым, что она знала. О любовострасти как о таковом говорят и другие стихотворения Тютчева, посвященные любви: «Ты любишь, ты притворствовать умеешь...», «В душном воздуха молчанье...», «Люблю глаза твои, мой друг...». Любовь трактуется как умышленная неполнота в отношениях людей, как некоторая преступная односторонность, овладевшая этими отношениями вопреки человеческому сознанию и воле.

Человеческая личность, получившая свою свободу, тем не менее лишена главного: ей не дано изжить себя, она полна избыточной жизни, для которой нет выхода. Человек раскрывается с помощью других и через других. Если у него нет путей к этим другим, то он остается нем и бесплоден. Знаменитое «*Silentium!*» вовсе не есть диктат индивидуализма, как иногда толковали это стихотворение. Здесь оборонительный смысл преобладает над наступательным. Более того, стихотворение это — жалоба по поводу той замкнутости, безвыходности, в которой пребывает наша душа.

Два стихотворения Тютчева, вероятно, близкие по дате, говорят об одном и том же — о том, что

личность человеческая не осуществляет себя сполна и обречена на внутреннюю жизнь, которая никогда не станет внешней. Это — «В толпе людей. . .», «Ты зрел его в кругу большого света. . .»

По Тютчеву, мысль, духовная деятельность человека не менее стеснена, чем жизнь его эмоций. Замечательно стихотворение «Фонтан». Тютчев нашел зрительный образ, превосходно уясняющий внутренние отношения. Струя фонтана выбрасывается с необыкновенным напором, с вдохновением. Казалось бы, струя предоставлена самой себе, собственной энергии, для которой невозможна граница извне. Тем не менее граница налицо, заранее установлено, до какой черты поднимется струя, высота ее — «заветная», определил ее строитель фонтана. Каждый раз, когда высота достигнута, струя не собственной волей ниспадает на землю. Такова же предначертанность человеческой мысли. И ей предуказано, без собственного ее ведома, где и в чем ее предел. Мысль мнит себя свободной, безотчетной, а осуществляется она через формы, ей чуждые и роковые для нее. Мысль — явление живое, первородное. Тем не менее над нею властвуют механизм, сделанность, неподвижность.

«Фонтан» держится на поэтическом сравнении, — прием, обычный у Тютчева. Он охотно сводил целое лирическое стихотворение к параллельному развитию двух тем, к скрещиванию их. Сравнение у Тютчева плодотворно — оно добавляет нечто новое к нашему пониманию вещей. Мысль Тютчев сравнивает с «водометом». Следо-

вательно, наша мысль нечто большее, чем мысль только, в ней содержится стихия, в ней участвует весь человек. В первой строфе Тютчев применяет слово «фонтан» — слово чужеземное, технологическое. Во второй только строфе появляется слово «водомер» — слово свое, национальное, живописующее и характерное. Перед нами два словесных варианта того же образа: в одном варианте человеческая мысль — мертвая форма, в другом — непосредственная жизнь, движимая изнутри.

Стихотворение «Фонтан» — тютчевская, русская разработка темы «Фауста», точнее — романтических мотивов, свойственных этому в общих своих итогах ничуть не романтическому произведению. У Гете Фауст проходит через те же мучения: он не может принять пределов, поставленных его познанию, стесняющих его духовный опыт. Инициативное, новаторское, наступательное — «природное» — вступает у Фауста в конфликт с коллективным, формальным, традиционным — с «цивилизацией». Тютчев изложил фаустовскую тему с удивительной энергией и краткостью. В этом состояли преимущества русской поэзии и русской мысли, трактовавших тогда всемирные темы. Русские авторы пришли к темам буржуазного общества и буржуазной культуры, когда Запад уже произнес свои первые обобщающие слова. Поэтому России предоставлена была последующая степень: обобщение обобщения. Напомним о маленьких драмах Пушкина с их западными сюжетами или же о его сцене из «Фауста», одной-единственной, которая, по видимости, должна

была заменить «Фауста» большого, развернутого, каким его знали на Западе.

По-особому вошла фаустовская тема и в стихотворение «Что ты клонишь над водами. . .». Скромная ива, героиня этого стихотворения, близка к фольклорным образам, что у Тютчева в редкость. Струя бежит и плещет, а иве не достать до струи. Не сама ива клонится как хочет, а у нее наклон, который ей придали. Ива здесь олицетворяет человека и его духовную судьбу. Вода бежит мимо, иве не позволено коснуться ее своими устами. Стихия жизни находится подле, и ни человеку, ни иве не дано соединиться с нею в одно. Связь человеческой личности с природой, с непосредственной жизнью не прямая, но круглая, — именно это и открывается с простейшей наглядностью в маленьком стихотворении Тютчева. Мы знаем, как идет эта связь, — через культуру, через формы культуры и общества, как это подразумевалось в поэтической образности «Фонтана». Ива не собственным произволом живет, ее поместили, ее наклонили, ее определили внешней силой. Неуловимая струя смеется над ивой-неудачницей. Еще в 20-х годах Тютчев по-своему передал стихотворение Гейне о сосне и пальме, — у Тютчева это были кедр и пальма. Деревья как заменители человека в драме чувств и отношений не были, таким образом, новостью для поэтики Тютчева.

Гейне называл иные свои стихотворения «колоссальными эпиграммами». По-особому можно применить это и к Тютчеву. Стихотворения его — эпиграммы, в них энергия, сжатость и острота над-

писей. Они колоссальны — по смыслу, который обнят ими. Тютчев — своеобразный классик в романтизме. Он умел сообщить определенность самим неопределенностям романтизма, устойчивыми словами высказать зыбкие его истины. Для романтизма русского и мирового стихотворения Тютчева — формулы формул, последние слова, кладущие конец спорам, которые велись десятилетиями.

4

Тютчев дает обобщенный образ духовным силам, скрытым в отдельном человеческом существе, осужденном на «молчание» («Silentium!»). Он пишет стихотворение о ночном гуле над городом. Речь идет не о думах одиночек, речь идет о человеческих множествах. Думы человеческой толпы освобождаются во сне, от них, от этих дум, стоит ночной гул. Весь город бредит жизнью, которая днем владела им и не была истрачена, — в ночные часы, в снах она уходит от людей («Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»).

Тут шире обычного обнаруживает себя главенствующая тема Тютчева — возможностей жизни, не поглощенных ее действительностью. Вокруг современного индивидуума — возможности жизни цельной, широкой, богато общительной, а он все это рвет и рушит. Старый мир завещал ему «хаос», из которого он должен бы построить собственный космос; как одиночка, он сам носитель хаоса, он узаконивает хаос, расширяет его область.

В изображении Тютчева вся эта первоматерия,

весь этот «хаос», все эти возможности, с которых должно бы начинаться строительство современного мира, остаются большей частью не у дела, им не дано формы, не дано признания, и они тогда превращаются в злую силу и бунтуют. Очень важна у Тютчева особая парная тема: ночь и день. Ночь — это вся область жизни, в полном составе своих могуществ, день же — это жизнь, которой даны форма, обдуманное устройство. Эти образы-понятия и соответствуют и не соответствуют другим тютчевским «близнецам» — хаосу и космосу. По Тютчеву, ночь и день — образы, выражающие хаос и космос в их современном состоянии. Область дня в современном мире слишком узка — на долю космоса приходится немногое. Область ночи чересчур обширна — современность предоставила хаосу преувеличенные права.

Сам ясный день по Тютчеву изнутри себя темен, обременен чем-то непосильным для него, одолевающим: «жизни некий преизбыток в знойном воздухе разлит...». Тютчевская ночь как бы разоблачает жизнь дня: что скрывалось за кулисами дня, то в ночные часы предъявляет себя человеческим взорам во всей своей бесформенности. Одно из важнейших «ночных» стихотворений Тютчева начинается строками:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...

Эти сны — возможности, так и оставшиеся в недрах земной жизни, силы, не вошедшие в ясное

сознание людей, хотя и управляющие людьми. От этих сил люди днем хотят и умеют отделаться, ночью зрелище этих сил становится неотвязным. Ночью кругозоры жизни бесконечно раздвигаются: «звучными волнами стихия бьет о берег свой». Ночное освещение отличается широтой и беспощадностью. Стихотворение это ни в коей мере не является похвалой хаосу и ночи, — оно говорит о них как о началах, нуждающихся в обуздании и дисциплине. Все несчастье в том, что современные способы управлять этими началами вызывают в них только возмущение. Все стихотворение — парафраза монолога Просперо из «Бури» Шекспира. Этот маг и волшебник, шекспировский Фауст, знал способы подчинять стихию человеческому уму и воле. Тень Просперо, которая носится над этим стихотворением, важна для понимания его смысла.

Могущественные, первостепенные начала жизни предстают перед современным человеком только ночью, — им придается таким образом еще и оттенок чего-то опасного, криминального, вражеского. Человек изгнал их за пределы своей дневной, сознательной практики, и они возвращаются к нему в темный час, бунтуя и угрожая. Поэзия Тютчева полна этого чувства грозного напора на современность ее собственных сил, которые попытались свести на нет или изгнать. Творимая жизнь, с которой обошлись мелко-деспотически, несоответственно природе ее, превратилась в источник бед и катастроф. Тютчев однажды называет хаос «родимым», то есть родственным человеку. Стихия

жизни, способная быть другом человека, вдохновлять его, становится при дурном с нею обращении разрушительной, пагубной силой. Во множестве стихотворений Тютчев описывает страх и ужас ночи — образной, метафорической. Если человек держится норм разума, добра, общности, если он ищет разума и в стихии, то он найдет разум в глубине ее. Если же он сам анархичен, произволен, то стихия явится к нему со своей темной стороны и не пощадит его. Несчастный Хома Брут, тупой ко всему на свете, что не было его плотским интересом, что не было его бурсацкой повседневностью, понес у Гоголя страшное наказание, жизнь обернулась к нему бессмысленным, темным, убийственным лицом Вия, духа земли, и отомстила ему сторицей за его бесчувственное к ней отношение. Близость к Вию не случайна. Гоголь вступал в пределы той же «ночной темы», которая беспокоила и Тютчева. «Ночные стороны» природы и души — тематика и символика литературы первых десятилетий XIX века, как позднеромантической, так и реалистической, обратившейся к человеку эпохи капитализма, к его сознанию, к его морали. В эту литературу входили философы-шеллингисты и романтики Тик и Гофман, реалисты Гоголь, Бальзак, Мериме. Делались попытки, малоубедительные, связать Тютчева с ночной темой XVIII века, с Юнгом и другими предромантиками. На деле связи Тютчева и в этом случае, резко современные, сближавшие его с самыми характерными явлениями окружающей литературы.

Когда Тютчев пишет о цивилизации, каков ее

*

«день», то появляются многозначительные, весьма им продуманные определения. Цивилизация и день цивилизации — «золотой ковер», который свертывается, когда приходит час для иных сил. Цивилизация — «ковер златотканый», накинутый над бездной. В стихотворении «Сон на море» цивилизация — золотой мираж, арабская сказка: «сады-лабиринфы, чертоги, столпы». Буря качает ночью корабль, человеку, который спит на корабле, снится этот сон цивилизации, и в сон его врываются грубые звуки доподлинной действительности — «грохот пучины морской». Цивилизация, как ее порою освещает Тютчев, — несерьезна, в ней слишком много искусственности, орнаментальности и слишком мало грубой, здоровой природы. Тютчев в отношении цивилизации и эллин и скиф: как эллин, он умеет ценить ее красоту; как скиф, он презирает ее неподлинность, непрочность. Цивилизация провоцирует хаос — и своей слабостью перед ним, и своими насилиями, оскорбляющими его.

С точки зрения эстетики Тютчев колеблется между прекрасным и возвышенным. Уже в XVIII веке делались строгие различия между этими категориями. Прекрасное — ласковое к человеку, прирученное им, подобное ему. Но в прекрасном нет силы, величия и серьезности. Кто выбрал прекрасное, тому в удел переходят одни мелочи и блески. Крупное, внушительное, обладающее властью над людьми — лишено красоты и привлекательности, оно сурово, оно по-недоброму возвышенно. Эти различия в эстетике установил уже Эдмунд Берк. Уже ему была ясна постоянная

коллизия в искусстве буржуазного общества: на одной стороне красота без масштаба и без существенной силы, на другой — масштаб и сила, зато враждебные красоте. Тютчев делает свой выбор мужественно. Как поэт, он будет там, где наибольшие жизненные силы, пусть они и проявляются под маской безобразия. В стихотворении «Mal'agia» Тютчев недоверчиво высказывается о красоте — не есть ли она всего только легкий заслон, который ставится перед злыми явлениями жизни с целью нашего с ними примирения. Как Пушкин, как Лермонтов, как Некрасов, так и Тютчев против красоты малой, непрочной, двусмысленной. Он устремлен к большой жизни. Красота должна покорить эту жизнь, если хочет оправдать себя, — пусть сегодня здесь все безотносительно к красоте или даже противоположно ей.

В «Видении» точно говорится, в чем призвание поэзии, где находится настоящая область ее.

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто-катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

В этом стихотворении все от начала до конца выдержано в духе и стиле античности. Не один

лишь Атлас, не одни лишь Музы, не одни лишь боги заимствованы из мира эллинского. Живая колесница мироздания — опять-таки античный образ: греки называли колесницей созвездие Большой Медведицы. Можно заподозрить, что у стихотворения этого живые связи и с античной философией. Гераклит Эфесский называл спящих «тружениками и соучастниками в космических событиях», — Тютчев мог знакомиться с Гераклитом хотя бы по книге знаменитого Шлейермахера, посвященной этому философу (вышла в 1807 г.). Изречение Гераклита дает Тютчеву главенствующий мотив: в ночные часы свой человек приобщается к движению мира, к его истории, которые приглашены для дневного сознания. Тот же Гераклит учил, что природа любит скрываться, — именно вечное свое движение она таит от непосвященных. В час «всемирного молчания», по Тютчеву, обнажается эта немолчная работа всемирной жизни, человек лишается обычных своих опор — иллюзий косности, перед ним мир в своей непосильной для него истине. Последние два стиха прямо относятся к роли и к призванию поэзии: мир в его устрашающей глубине, мир в его возвышенно-динамическом содержании, он-то и предстоит Музе, тревожит ее сны, как говорится здесь у Тютчева. Поэзия не боится мучительных зрелищ и потрясений, она вдохновляется истиной, какова бы та ни была. Где для одних «беспамятство», обморок, потеря сил, там для поэтов, для Музы — бодрость и повод к пророчествованиям.

Тютчев, с его слухом к стихиям, которые не мо-

жет сдержатъ в своих границах существующее общество, с его сочувствием к ним, ощущал величие революционных потрясений истории. Он мог написать такое стихотворение, как «Цицерон» со знаменитыми строками: «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Счастье, по Тютчеву, в самих «минутах роковых», в том, что связанное получает разрешение, в том, что подавленное и насильственно задержанное в своем развитии выходит наконец на волю. Четверостишие «Последний катаклизм», так же как «Цицерон», очевидно написанное в революционный 1830 год, пророчит «последний час природы», пророчит его в грандиозных образах, возвещающих конец старого мироустройства.

Великие общественные взрывы недаром для Тютчева совпадали с «последним часом природы». Буржуазно-европейский порядок вещей был для него неприемлем, но Тютчев считал его заключительным и окончательным, так что после него более высокий порядок не предполагался. Поэтому метаниям и мятежам Тютчева свойствен трагизм. Он — лирический поэт с кругозором и силами художника, склонного к эпосу или трагедии. Он сам в лирике своей достигает масштабов трагедии и пафоса ее.

В предпосылках поэзии Тютчева лежат «природа» и «хаос», с которых должны начинать строители современного общества. Поэзия Тютчева демонстрирует, что новое общество так и не вышло из состояния «хаоса». Современный человек не выполнил своей миссии перед миром, он не позволил

миру вместе с ним взойти к красоте, к стройности, к разуму. Поэтому у Тютчева так много стихотворений, в которых человека как бы отзывают назад в стихию как несправившегося с собственной ролью. Природа, по Тютчеву, ведет более честную и осмысленную жизнь до человека и без человека, чем после того, как человек появился в ней.

Бунт против цивилизации выражается в том, что она объявляется излишней. Она не возвысилась над природой — и должна исчезнуть в ней. Сознание человека эгоистично, оно только и служит личности как таковой, за что человек бывает достаточно наказан — проникающим его чувством ничтожества своего и страхом смерти. Тютчев не однажды объявлял природу совершенной по той причине, что природа не дошла до сознания. В «Успокоении» описан конец грозы, она повалила высокий дуб, а над вершинами леса, где опять все звучит и веселится, перекинулась радуга. Природа снова празднует свой прерванный праздник — над телом дуба, павшего героя, никем не оплакиваемого, не ощутившего собственной гибели. Когда Тютчев в 1865 году пишет одно из программных своих стихотворений «Певучесть есть в морских волнах...», то и здесь гармонию природы он понимает в том же смысле. Природа, не задумываясь, переступает через своих индивидуумов, она осуществляет себя через частное, равнодушная к частному.

Личное сознание, которое человек носит в себе, становится для него болезнью и бесполезностью: «О нашей мысли обольщенье, ты, человеческое я».

Оценка личного существования колеблется в таких стихотворениях Тютчева, как «Листья», как «Конь морской». Листья — «легкое племя», им жить одно лето, зато у них свежесть, зато у них краса. Конь морской — волна морская, вечно меняющая свой образ, с тем чтобы уйти в море, в вечную его безбрежность. Тютчев, очевидно, ценит здесь краткость личного существования: краткое — интенсивно. Но Тютчев думает и о другом: жизнь природы циклична, листья рождаются, умирают и вновь рождаются, волна возникает, рассыпается и опять возникает, и не лучше ли оставаться в природе с ее чередованием жизни и смерти, чем купить себе личность, как это делает человек, ценою того, чтобы родиться только однажды и умирать тоже однажды и навсегда.

С этим связана тема времени — одна из коренных, настойчиво проводимых у Тютчева. Есть неозримое время природы и есть малое время индивидуума, от сих и до сих, как это представлено косвенно в тех же «Листьях» и в «Коне морском». У Тютчева тема времени выражена классично, он ведет нас к основным мотивам новоевропейской поэзии. Время индивидуума — тема, появившаяся со всей присущей ей выразительностью уже в культуре Ренессанса и не исчезающая с тех пор. Это тема Фауста и Дон-Жуана, в культуре Возрождения впервые сложившаяся. Средневековые коллективные формы жизни разваливались, индивидуум выступил из коллектива, и это меняло прежнее отношение к времени. Личность, утонувшая в родовом коллективе, в общине,

меряла свое время тем же временем рода — бесконечным, уходящим, как это могло казаться, в космическое время. Индивидуум выделился из коллективной жизни, получив на руки то самое время, бедное, малое, которое причиталось ему как таковому. С этим связана жажда жизни, напряженность жизненная у Дон-Жуана, у Фауста. Они — герои минуты, из которой они хотят взять все — возможное и невозможное, время для них распалось. Новым способом, свойственным новой исторической индивидуальности, они хотят собрать его, складывая минуту с минутой, с бесконечностью других минут, и это сказывается на универсальности дел и занятий Фауста, на его далеких странствованиях, на любовных похождениях Дон-Жуана, которых по счету оперы Моцарта было «тысяча и три».

Письма и поэзия Тютчева полны жалоб на время и пространство: «они, — пишет Тютчев жене, — угнетатели и тираны человечества» (письмо от 26 июля 1858 г.). В одном из его французских стихотворений говорится: «Как мало действительности в человеке, как легко для него исчезновение. Когда он здесь, он так мало значит; и он ничто, когда он вдалеке от нас. Его присутствие — единственная точка, его отсутствие — все пространство, как оно есть». По Тютчеву, человек движется по жизни, время убывает и пространство, которое ему открывается, растет. Слово «индивидуум» означает «неделимое». По Тютчеву, индивидуум, однако, делится: личное его сознание — дым, призрак, и это одна его часть, другая — он

же как физическое тело. Ужас смерти в сознании Тютчева очень навязчив. Когда человек выпадает из своих общественных, духовных связей, биологическая его судьба обнажается перед ним со всей безжалостностью. «Бесследно все, и так легко не быть!» — пишет Тютчев в позднем стихотворении на кончину брата, повторяя более ранние свои французские стихи, сложившиеся еще лет за тридцать до того. «Легко не быть» — потому что само бытие личности было некрепким, неукрепленным, без широко развитых связей и отношений, потому что личность эта недостаточно распространила себя в среде окружающих, не сошлась в одно с ними.

Стихотворения Тютчева по внутренней форме своей — впечатления минуты. Он жаждет до минуты и возлагает на нее великие надежды, как это было уже у Дон-Жуана, у Фауста, у первых знаменательных людей новой культуры. Пафос минуты — тот же импровизаторский. Поэзия Тютчева исключает долгие сборы, требует быстроты действий, на всякий вопрос, ею поставленный, нужен стремительный ответ. В мгновенное впечатление Тютчев хотел бы вместить всего себя, мысли и чувства, давно им носимые, всю бесконечность собственной жизни. Его стихотворения — своеобразная борьба за время, за большую жизнь в малые сроки.

В 60-х годах Тютчев пишет жене, как нужны ему встречи с людьми разных поколений, «все это прошлое, воскресающее с такой полнотой жизни и толкающее под локоть настоящее». Он досадует, почему не попал одним летом в Киссинген: «Как

подобное местопребывание, сближая эпохи, могло бы мне восстановить цепь времен, что составляет настоящую потребность моего существа». «Восстановить цепь времен» — Тютчев сам нашел слова, которыми можно определить пафос, воедино связывающий его лирические стихотворения.

Трагический характер поэзии Тютчева сочетается в ней с гладиаторской бодростью и энергией. Историческую границу человеческих возможностей он считает абсолютной и все же исподволь, могущественными усилиями и толчками стремится сдвинуть ее. Ему присуще знакомое нам и по другим великим поэтам, по Шекспиру, по Гете, чувство, что силы исторической жизни, однажды приведенные в движение, не уничтожатся, не сойдут со сцены. «Хаос» должен выйти из первоначального состояния и получить свое законное место в системе «космоса». Как отвлеченный мыслитель, как славянофильский публицист, Тютчев проповедует движение назад, — это лишний раз учит нас, насколько он считал абсолютно непререкаемой современную цивилизацию в ее установленном виде: от нее возможно только отступить, идти дальше — всем и каждому заказано. Как поэт, он призывает к другому — к новым, повторным буре и натиску. Как публицист и философ, он доказывает, что все беды от человеческой личности, слишком много для себя требующей, и поэтому он предлагает свести ее на нет. В поэзии своей он демонстрирует совсем иное: личности слишком мало отпущено, ее заключили в ней самой, нужно

с этим покончить, приобщить ее к жизни мира, нужно дать ей новые богатства.

Буря и натиск Тютчева торжествуют в стихотворении «Два голоса» (по-видимому, 1850 года). Здесь — один голос предостерегающий, останавливающий, так как борьба безнадежна, другой — зовущий к дальнейшей неустанной борьбе. Слышнее у Тютчева и в этом стихотворении и во всей его поэзии второй голос. В этом голосе великая убежденность, в нем настоящее тютчевское вдохновение. Тютчев не считал покоренным навсегда, что покорили на сегодня, — таково было его чувство. Поэтому он и писал: «Мужайтесь, боритесь, о храбрые други...» Поэтому Тютчев не покидал своей арены художника и после того, как он, казалось бы, отменил свои художественные деяния, их смысл и пафос в своей политической публицистике.

Нам сохранились мысли В. И. Ленина о Тютчеве в передаче мемуариста. «Он (В. И. Ленин) восторгался его поэзией. Зная прекрасно, из какого класса он происходит, совершенно точно делая себе отчет в его славянофильских убеждениях, настроениях и переживаниях, он говорил о стихийном бунтарстве великого поэта, предвкусившего величайшие события, назревавшие в то время на Западе». (В. Д. Бонч-Бруевич. Владимир Ильич Ленин о художественной литературе, критике и журналистике. Воспоминания. — «Литературный Ленинград», 1935, № 4, 20 января). Новизна этих мыслей служит порукой тому, что запись мемуариста точна. Нигде и никогда прежде

Ленина не говорилось о бунтарстве Тютчева, о том, что поэзия Тютчева полна ощущением европейского кризиса, — нам дана Лениным точка зрения на Тютчева и на его поэзию, с которой они открываются для нас по-необычному.

5

С конца 40-х годов и особенно в 50-х поэзия Тютчева заметно обновляется. Он возвратился в Россию и приблизился к подробностям русской жизни, которую он доселе трактовал с очень обобщенной точки зрения, в совокупности ее с жизнью мировой. У Тютчева появляются свои соответствия тому, что делалось тогда в реалистической и демократической по направлению и духу русской литературе. Советские исследователи открыли поучительные аналогии между поэзией Тютчева позднего периода и прозой Тургенева, стихами Некрасова. Важны не только отдельные совпадения и переклички. Важно, что русская освободительная мысль и практическое движение, служившее ей основой, затронули Тютчева, и он на них в своей поэзии отозвался. По общим своим очертаниям поэзия Тютчева оставалась все та же, однажды сложившееся миропонимание держалось, старые темы не умирали, старый поэтический метод применялся по-прежнему, и все же в поэзии Тютчева появились течения, которые спорили со старым методом и со старыми идеями. Спор далеко не был доведен до конца, противоречие не получило полного развития, нет признаков, что оно до конца

ясным было для самого поэта, и все же поздний Тютчев — автор стихотворений, каких никогда не писал прежде, новых по темам, смыслу, стилю, пусть эти стихотворения и не исключают других, в которых прежний Тютчев продолжается.

Перемены в поэзии Тютчева можно увидеть, если сравнить два его стихотворения, и очень совпадающие и очень расходящиеся друг с другом, написанные на расстоянии между ними более чем в четверть века: «Есть в светлости осенних вечеров...» 1830 года и «Есть в осени первоначальной...» 1857 года. Второе из них как будто бы уже со вступительной строки отвечает первому, а между тем оно прочувствовано и направлено по-иному, по-своему. Отсутствует пантеистическое осмысление пейзажа, которым в очень тонких и особых формах отмечены стихи 1830 года, где осень — стыдливое, кроткое страдание, болезненная улыбка природы. Если в поздних стихах и налицо «душа природы», то это душа местная, не вселенская, скорее это характеристики ландшафта, местные черты и краски. Осень 1857 года — характерно русская осень, к тому же трудовая, крестьянская; «бодрого серпа» не было в прежних ландшафтах Тютчева. «Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде», — «праздная борозда» восхищала Льва Толстого, это центральная подробность в пейзаже осени у Тютчева. Борозда праздная — та, по которой больше не ходит плуг. «Душа» осени сейчас для Тютчева в том, что осенью кончаются крестьянские полевые работы и трудовая борозда отдыхает, она и все к ней

относимое становятся всего лишь поводом к созерцанию. «Паутины тонкий волос», — здесь новая для Тютчева теплота, интимность внимания к ландшафту — к национальному ландшафту, который переживается с чувством близости и соучастия в самой мелкой и незаметной его жизни. «Но далеко еще до первых зимних бурь», — осень тут у Тютчева как бы время перемирия, междудействие; драматический акт лета сыгран, и не наступил еще срок для акта зимы. У Тютчева появляется новый интерес — не к одним только вершинам действия, но и к промежуткам между ними, к безбурному течению времени. Прежний Тютчев — «поэт минуты» — от минуты, от мгновенного переживания круто и быстро восходил к самым большим темам природы и истории, восходил к «вечности». Сейчас это расстояние от малого к великому и величайшему у Тютчева удлинено; сама «минута» удлиняется, распадается на малые доли, содержит в себе целые миры, достойные участия и изучения.

К 1849 году относится стихотворение Тютчева «Неохотно и несмело...». Здесь опять-таки перед нами новый Тютчев. Как всегда, он мыслит конфликтами, жизнь природы, как всегда, у него драма, столкновение действующих сил. Но на этот раз весь интерес в том, что конфликт наметился и не развернулся, гроза наспела, разрядилась с каким-то сердитым добродушием, и опять вернулись солнце, сияние солнца и успокоение. Тютчев стал уделять внимание срединным состояниям жизни, повседневности, ее делам, оттенкам. С эс-

хиловских трагических высот он стал спускаться на нивы Гесиода, к гесиодовским «трудам и дням», или, если иметь в виду более близкое, на нивы Тургенева, Л. Толстого, Гончарова, Некрасова. Интерес к повседневности, к ее затрудненному ходу, к заботам массы человеческой — одно из существенных проявлений демократического духа русской литературы, сказавшихся первоначально еще у зрелого Пушкина. Есть известный аристократизм в том, чтобы жить общей жизнью лишь в одни «минуты роковые», во времена взрывов и катастроф, пренебрегая всем, что к ним вело и к ним готовило, всем, что приходило вслед за ними. Поздний Тютчев покидает эту свою несколько надменную точку зрения: пафос его — большие узлы истории, но он следит теперь и за тем, как изо дня в день в русской жизни завязываются эти узлы.

Еще одно из стихотворений 1849 года:

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют. . .
Усыпительно-безмолвны
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной. . .

Стихотворение это, на первый взгляд, кажется неприязнительным описанием, и по этой, верно, причине его так жаловали составители хрестоматий. Между тем оно полно мысли, и мысль здесь скромно скрывается, соответственно описан-

ной и рассказанной здесь жизни — неяркой, неброской, утаенной и в высокой степени значительной. Стихотворение держится на глаголах: рдеют — зреют — блестят. Дается как будто бы неподвижная картина полевой июльской ночи, а в ней, однако, мерным пульсом бьются глагольные слова, и они главные. Передано тихое действие жизни, переданы рост ее, рост хлеба в полях. От крестьянского трудового хлеба в полях Тютчев восходит к небу, к луне и звездам, свет их он связывает в одно со зреющими нивами. Здесь под особыми ударами выражения находятся у Тютчева ночь, сон и тишина. Жизнь хлебов, насущная жизнь мира, совершается в глубоком молчании. Для описания взят ночной час, когда жизнь эта полностью предоставлена самой себе и когда только она и может быть услышана. Ночной час выражает и то, насколько велика эта жизнь, — она никогда не останавливается, она идет днем, она идет и ночью, бессменно. Стихотворение относится прямо к природе, но человек — действующий, производящий — косвенно включен в нее, так как хлеб в полях дело рук его. Все стихотворение можно бы назвать гимном, тихим, простым, ясным гимном трудам и дням природы и человека.

С 40-х годов появляется у Тютчева новая для него тема — другого человека, чужого «я», воспринятого со всей полнотой участия и сочувствия. И прежде Тютчев страдал, лишенный живых связей с другими, но он не ведал, как обрести эти связи, теперь он располагает самым действенным средством, побеждающим общественную разорван-

ность. Внимание к чужому «я» — плод демократической настроенности, захватившей Тютчева зрелой и поздней поры. Стихотворение «Русской женщине» (1848 или 1849) обращено к анониму. Его героиня — одна из многих, едва ли не каждая женщина в России, страдающая от бесправия, от узости и бедности условий, от невозможности свободно строить собственную свою судьбу. Обращение к анониму, к собирательному лицу прочувствовано у Тютчева так, как если бы он обращался к лицу хорошо знакомому, близкому и родственному: аноним для поэта — тоже конкретное, живое существо, вызывающее к себе самое сосредоточенное и грустно-заинтересованное внимание. Границы между индивидуальным и множественным, своим и чужим здесь у Тютчева снимаются. Напрашиваются аналогии с Некрасовым, со стихотворениями его 40-х и 50-х годов, написанными к женщинам, где Некрасов сочувствует их бедам в настоящем и предчувствует их беды в будущем, бездолье и гибель, которые им предстоят («Тройка», «Еду ли ночью...», «Вчерашний день, в часу шестом...», «Я посетил твое кладбище...», «Памяти Асенковой», «Свадьба», «Гадающей невесте»). Стихотворение Тютчева предвосхищает и иные строки Блока, тоже направленные к женским анонимам, демократические по замыслу и чувству.

«Слезы» Тютчева, относящиеся, вероятно, к 1849 году, быть может, и есть то стихотворение, где дана программа на весь новый период его поэзии. Тютчев здесь высказывается во имя социального сострадания, во имя тех, кто оскорблен и

•

унижен. Этим стихотворением он входит в широкую полосу русской литературы, ознаменованную именами Некрасова и Достоевского. Дактилические строки с многочисленными фигурами повторения на пространстве немногих строк — волна за волной, с длинными рифмующимися словами, с двумя дактилическими рифмами рядом — «незримые — неисчислимы» — приближают нас к знакомому для нас по стихам Некрасова. Сам ход стиха — движение дождя, движение слез. Тут есть и отдаленный отблеск фольклорности — крестьянского плача, связь с которым у Некрасова обычна. Фольклорность эта по-особому напоминает, о чьих слезах написано стихотворение, — о слезах тех, кого город не жалует, кого он гонит на улицу или держит в пригородах. По теме и по внутреннему характеру своему к «Слезам» примыкает более позднее стихотворение — «Эти бедные селенья. . .» (1855), где, впрочем, социальное сострадание не остается делом только мирским, но связывается с христианскими идеями.

Тютчев еще в 30-х годах осваивался с темой «бедных людей». До нас дошел не доделанный им перевод из Беранже «Пришлось кончить жизнь в овраге. . .». В новый период — это его собственная тема, настолько с ним неразлучная, что она может выражаться непрямо, служить опорой для другой темы, метафорой для нее. Новый Тютчев не только передает эту тему, он мыслит ею, он через нее идет к темам, далеким от нее, для него же самого интимнейшим.

В июле 1850 года написано стихотворение из

цикла, посвященного Е. А. Денисьевой. Июль 1850 года — время первого знакомства и сближения Тютчева с нею. Стихотворение это — косвенная, скрытая и жаркая мольба о любви. Оно строится на косвенном образе «бедного нищего», бредущего по знойной мостовой. Нищий заглядывает через ограду в сад — там свежесть зелени, прохлада фонтана, лазурный грот, все, что дано другим, что так нужно ему и навсегда для него недоступно. «Бедный нищий» описан с горячностью, с сочувствием очень щедрым и широким. Поэт не задумывается сделать его своим двойником. Поэт мечтает о запретной для него любви, как тот выгоревший на солнце нищий, которого поманили тень, роса и зелень в чужом саду — в обиталище богатых. Та, к которой написаны эти стихи, тоже богата — она владеет всем и может все.

Стихи, написанные при жизни Денисьевой, и стихи, посвященные ее памяти, издавна ценятся как высокие достижения русской лирики. Сам Тютчев, создавая их, менее всего думал о литературе. Стихи эти — самоотчет, сделанный поэтом с великой строгостью, с пристрастием, с желанием искупить вину свою перед этой женщиной, — а он признавал за собой вину. Хотя о литературе Тютчев и не заботился, воздействие современных русских писателей весьма заметно на стихах, посвященных Денисьевой. Сказывается психологический роман, каким он сложился у Тургенева, Л. Толстого, Достоевского. В позднюю лирику Тютчева проникает психологический анализ. Лирика раннего периода избегала анализа. Каждое

лирическое стихотворение по душевному своему содержанию было цельным. Радость, страдание, жалобы — все это излагалось одним порывом, с чрезвычайной смелостью выражения, без раздумья о том, что, собственно, означают эти состояния души, весь пафос заключался в точности, в интенсивности высказывания. Там не было суда поэта над самим собой. Поздний Тютчев находится под властью этики: демократизм взгляда и этическое сознание — главные его приобретения. Как это было в русском романе, так и в лирике Тютчева психология неотделима от этики, от требований писателя к себе и к другим. Тютчев в поздней лирике и отдается собственному чувству и проверяет его — что в нем ложь, что правда, что в нем правомерно, что заблуждение и даже преступление. Конечно, непредвзятый, стихийный лиризм слышится и тут, но если приглядеться ко всему денисьевскому циклу, то впечатление расколото-сти, анализа, «рефлексии» в этом лирическом цикле преобладает. Оно улавливается уже в первом, вступительном стихотворении «Пошли, господь, свою отраду. . .». Поэт молит о любви, но он считает себя недостойным, не имеющим права на нее, — этот оттенок заложен в сравнении с нищим: нищий — неимущий в отношении права и закона. В лирическом чувстве есть неуверенность в самом себе, оно изливается с некоторой внутренней оговоркой, столько же смелое, сколько и несмелое, — и в этом его новая природа. Через год, в другом стихотворении к Денисьевой, Тютчев опять говорит о своей «бедности»: «Но как я беден перед

ней», — и опять у него строки покаяния, самоунижения: «Перед любовью твоею Мне больно вспомнить о себе» («Не раз ты слышала признание. . .», 1851).

Русский психологический роман по первооснове своей был социальным романом. В денисьевский цикл тоже входит социальная тема — неаявственная, она все же определяет характер стихотворений цикла. Так или иначе, Тютчев затрагивает общую тему женщины, а женская тема была тогда и не могла не быть социальной темой, — так было в поэзии Некрасова, в русском романе вплоть до «Анны Карениной» Л. Толстого и дальше. Быть женщиной означало занимать некое зависимое положение в обществе, бесправное, незащищенное. Тем более относилось это к героине стихотворений Тютчева. Она решилась на «беззаконную» любовь и тем самым добровольно поставила себя в самое худшее из положений, какое только было для нее возможно:

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

По сути своей социальная тема присутствовала и в прежней поэзии Тютчева — всегда и всюду он выражал, какова социальная судьба человеческой личности, что может личность в современном мире и чего она не может. Новое в денисьевском цикле — то, что здесь трактуется *разница* социальных судеб, разница в гот же век, в тех же обстоятель-

ствах. Герой и героиня — оба гонимые, «людское суесловие» преследует обоих, но вся тяжесть падает на героиню, и в общей для обоих судьбе возможность свободы, привилегии свободы все же остаются на стороне героя. Постоянно Тютчев обнажает кулисы своего лирического романа, и делает это великодушно, не в собственную пользу, но в пользу героини. Если он был виноват как действующее лицо, то он исправляет вину как автор — в своем изложении событий, через освещение, которое он им дает. Героиня своим поступком отделила себя от общественного мнения, потеряла опору в обществе. Тем самым она отныне вся во власти любимого человека, другой опоры ей не дано. У него сила, преобладание и внутри их личных отношений и вне их — в обществе, где, при всех оговорках, он больше сохранил, чем потерял. Видимость та, что оба они выпали из общества — любовь исключила их из общества, из светской жизни. Действительность в другом: общество продолжается и в личных отношениях обоих. По законам общества он — сильный, она — слабая. Как ни ценит он высоко ее любовь, ее жертвы, он все-таки не умеет отказаться от своих преимуществ. Он ведет борьбу с нею, он ведет борьбу с самим собой. Через внутренние отношения постоянно проглядывают внешние — «роковые», как принято было Тютчевым их называть.

Эта приближенность стихотворений денисьевского цикла к коллизиям жизни в их социальной характерности, в их реальных подробностях сказывается и на поэтическом стиле, более интимном,

более портретном, чем это прежде было у Тютчева. Мемуарные сведения о Денисьевой скудны, но мы немало знаем об этой женщине из стихотворений Тютчева непосредственно. Почти портретное — стихотворение «Я очи знал, — о эти очи!..». Мы читаем в стихах о рождении у Денисьевой ребенка («Не раз ты слышала признание...») с такой подробностью: мать качает колыбель, а в колыбели «безыменный херувим»; следовательно, здесь рассказано о том, что было еще до крещения, до имени, полученного младенцем. В стихах описана последняя болезнь Денисьевой, ее умирание в середине лета, под шум теплого летнего дождя («Весь день она лежала в забытьи...»). По стихотворениям Тютчева проходят довольно явственно и биография Денисьевой, и биография любви его к ней. Создаются строки портретные, бытовые, строки небывалые у Тютчева: «Она сидела на полу И грудю писем разбирала». Но все эти приближения Тютчева к домашнему, к повседневно знакомому нисколько не означают, что он как поэт готов предать себя бытовой сфере, бездумно заключить себя в близком и ближайшем. В том же стихотворении о письмах, которое началось так обыденно, уже со второй строфы происходит крутой, внезапный подъем к самым необычным, высочайшим состояниям человеческой души, для которых нужны другие слова и другой способ изображения.

Замечательно, что в денисьевском цикле присутствуют и стародавние мотивы Тютчева. Они составляют в этом цикле основу, тезис. Новое, что

вносит Тютчев, — только антитезис, только борьба с опытом, который сложился долгими годами. «О, как убийственно мы любим. . .», «Предопределение», «Близнецы», — во всех этих стихотворениях прежние темы индивидуализма, рока, стихии, трагизма любви, непосильной для индивидуалистически направленной личности. Любовь, говорится в «Предопределении», — «поединок роковой». В «Близнецах» любовь сближается с самоубийством. Тютчев описывает отдельно, в особых стихотворениях, какие силы стоят между героем и героиней денисьевского цикла, какие силы их разделяют и губят их отношения. Он обобщает эти силы, показав нам, как они проявляются заурядным, бытовым образом. Общество поощряет героя, поскольку он эгоистичен, поскольку он настаивает на своих особых правах. У Тютчева показано, как велик соблазн посредственных поступков даже в человеке высоко настроенном, высоко чувствующем, далеком от посредственности в собственных помыслах. «И самого себя, краснея, сознаю Живой души твоей безжизненным кумиром», — говорится саморазоблачительно в одном из стихотворений от имени героя. Он хочет поступать возвышенно, но нечто, заключенное в нем самом и ему же чуждое, толкает его в противоположную сторону. Герой пользуется своим сильным положением и слабым героини, в этом посредственность его поведения. Он неудержимо поступает как все, поступает против собственной воли. Герой Тютчева, высоко взметенный собственной страстью, не может, однако, превзойти пред-

назначенного ему уровня и неотвратно свергается вниз, как те кипящие струи фонтана, однажды уже Тютчевым описанные. Порядок общественной жизни владеет им, вошел в его инстинкты, укрепился в них без его собственного одобрения. Как тот же «водомер», он живет и действует внутри некоего механизма, от которого до конца зависит.

У предшественников Пушкина, у сверстников его, отчасти у самого Пушкина в раннюю пору любовь относилась к области изящной чувственности: «Падут ревнивые одежды на цареградские ковры». В старой лирике ее герои не могли быть дружны — они были только любовниками, от узости их отношений зависели лад и согласие, в которых герои эти пребывали. Они знали только одно несчастье в любви — когда ее не разделяют, когда она оставлена без ответа. В денисьевском цикле любовь несчастна в самом ее счастье, герои любят и в самой любви остаются недругами. Отношения любви у Тютчева простираются очень далеко, они захватывают всего человека, и вместе с ростом духовного содержания любви в нее проникают все коренные слабости людей, вся их «злая жизнь», переданная им из общественного быта.

Этот же духовный рост любви — причина, по которой Тютчев так героически отстаивает ее: он хочет спасти любовь от внешнего мира и, что труднее всего, — от мира внутреннего, который он сам же носит в себе. В денисьевском цикле очень высок этический пафос. Тютчев хочет принять точку зрения любимой женщины, он не однажды взирает на себя ее глазами, и тогда он судит са-

мого себя строго и жестоко. Стихотворение «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» замечательно переделом ролей. Стихотворение написано от ее имени, и все оно — обвинительная речь против него. Тютчев настолько входит в чужую душевную жизнь, настолько ею проникается, что способен стать своим же собственным противником. В этом стихотворении Тютчев субъективен чужой субъективностью — через чужое «я» — и неподкупно объективен в отношении самого себя. Он не страшится самообвинений. В том же стихотворении говорится от имени героини: «Он мерит воздух мне так бережно и скудно...», — слово «бережно» здесь обвинительное слово, имеется в виду не бережность в отношении кого-то другого, а бережность к самому себе, осмотрительность в расходовании собственных запасов. В денисьевском цикле мы находим примеры особой лирики чужого «я» — лирики, способной переходить на позиции чужого «я», как если бы это были ее собственные. Русская поэзия богата лирикой, так направленной: Лермонтов, Некрасов, Блок. Для нее существовали у нас могучие этические предпосылки. Она сродни русскому роману и русской драме, где так велик талант входить в чужую жизнь изнутри, отождествляться с нею, говорить и действовать от ее имени. В стихотворениях к Денисьевой, описывающих «поединок роковой» между сильным и слабою, горький, злосчастный для сильного, скрывается еще одна мысль, привычная в классической русской литературе. Сильный ищет спасения у слабой, защищенный у без-

защитной. В бесправном существе велика потребность личной свободы, но приобрести ее оно может не для одного себя, а вместе с другими бесправными. В социально слабом человеке заключен тот идеал личного-общественного, в котором сильному отказано, о котором тот мечтает, нуждаясь в нем не менее, чем слабый.

Среди стихотворений, обращенных к Денисьевой, быть может, самые высокие по духу те, что написаны после ее смерти. Происходит как бы воскрешение героини. Делаются печальные попытки исправить по смерти неисправленное при жизни. Тут есть внутреннее сходство с лирикой зрелого Пушкина, трагически призывающего разрушенную любовь («Явись, возлюбленная тень»), с теми настроениями Пушкина, которые сошлись в одно в гениальной «Русалке». Стихотворение «Накануне годовщины 4 августа 1864 года» (день смерти Денисьевой) все целиком — призыв к мертвой, запоздалое раскаяние в грехах перед нею. Оно — своеобразная молитва, светская, со скептическими для молитвы несветской словами: «где б души ни витали» (молящийся не знает, куда уходят души мертвых). Молитва обращена не к богу, но к человеку, к тени его: «Вот тот мир, где жили мы с тобою, ангел мой, ты слышишь ли меня?» Здесь впервые в этом цикле стихов появилось слово «мы», — при жизни Денисьевой насущного этого слова не было, и потому оба они так жестоко пострадали.

Через четыре года после кончины Денисьевой написаны стихи:

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

«Как бы живой», — Тютчев говорит здесь о последующем так, чтобы угадывалось предшествующее ему. Денисьева умерла, но Тютчев и о себе говорит как об умершем тогда же: жизнь его с тех пор стала условностью. Последняя строфа — воспоминание:

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Снова столь запоздавшее и столь необходимое им обоим «мы», и снова о единой жизни, которой были живы оба и которую нельзя было делить: половина — одному, половина — другому.

Тютчев в стихотворениях, посвященных Денисьевой, отслужил этой женщине, вместе с тем отслужил идеям и настроениям новых людей, появившихся в России. До конца жизни верный направлению, принятому им в поэзии еще в 20-х и 30-х годах, он нашел, однако, собственную связь с русской литературой последующих десятилетий, а нераздельно с нею и с демократической общественностью, с ее убеждениями, с ее новой моралью, по временам и с ее эстетикой.

Н. Берковский

СТИХОТВОРЕНИЯ

«С. Е. РАИЧУ»

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомогущный,
Восторженный, цветами не увьет?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..

И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем, —
И днешь, о друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег — и дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою —
Да ветвию от древа Аполлона
Его питомца я увью!..

14 сентября 1820

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседрябляшею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскую парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820

ОДИНОЧЕСТВО

< Из Ламартина >

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени деревьев густой,
И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.
По темной зелени дерев
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, — и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.
Прекрасен мир! Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет! ..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но, ах, где стречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте! ..

*

И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины! ..
Нет в мире одного — и мир весь опустел!
Встает ли день, ношные ль сходят тени, —
И мрак и свет противны мне. . .
Моя судьба не знает изменений —
И горесть вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье?
Когда на лучший мир покину дольний прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье,
Где солнца истины в нетленных небесах,
Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится,
И токмо там, в отчизне, обоймет. . .
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
Живые мысли божества!
Какая ночь сгустилась над землею,
И как земля, в виду небес, мертва! ..
Встают гроза и вихрь, и лист крутят пустынный!
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины, —
Умчите ж. бурные, умчите сироту! ..

Между 1820 и 1822

А. П. М<УРАВЬЕВУ>

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников — их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.

О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь — сам опыт в том порукой, —
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденьи — веселей,
Чем наяву — томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

13 декабря 1821

<С. Е. РАИЧУ>

На камень жизни роковой
Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
Играл — неосторожен,
Но Муза сирого взяла
Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
Ковер под ним роскошный.

Как скоро Музы под крылом
Его созрели годы —
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы, —
Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру, —
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.

Еще другое божество
Он чтит в молодые лета, —
Амур резвился вокруг него
И дани брал с поэта.

Ему на память стрелку дал,
И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
Орфеевой супруги.

И в мире сем, как в царстве снов,
Поэт живет, мечтая, —
Он так достиг земных венцов
И так достигнет рая. . .
Ум скор и смеглив, верен глаз,
Воображенье — быстро. . .
А спорил в жизни только раз —
На *диспуте магистра*.

Между 1822 и 1828

ПЕСНЬ РАДОСТИ

(Из Шиллера)

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!
Всё, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Х о р

В круг единый, божьи чада!
Ваш отец глядит на вас!
Свят его призывный глас,
И верна его награда!

Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал радость, —
Радость нашу раздели.
Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить, — из круга
Прочь с слезами отойди! . .

Х о р

Душ родство! о луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает *Неизвестный*.

У грудей благой природы
Всё, что дышит, Радость пьет!
Все созданья, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье —
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым — сладострастье,
Ангел — богу предстоит.

Х о р

Что, сердца, благовестите?
Иль творец сказался вам?
Здесь лишь тени — солнце там, —
Выше звезд его ищите! . .

Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы — хаос развила
И в пространствах — звездочету
Неподвластных — разлила!

Х о р

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом.
К нашей цели потечем —
Бодро, как герой к победам!

В ярком истины зеркале
Образ *твой* очам блестит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.
Ты, как облак прохладенья,
Нам предходишь средь трудов;
Светишь утром возрожденья
Сквозь расселины гробов!

Х о р

Верьте правящей деснице!
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся как залог,
И искупятся сторицей!

Кто постигнет провиденье?
Кто явит стези его?
В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести — купим друга,
Пурпур — вретича ценой.

Х о р

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;

Там, в святилище миров,
Судит бог, как мы судили! . .

Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живет!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, — на колена!
Всеблагому кубок сей! . .

Х о р

Ты, чья мысль духов родила,
Ты, чей взор миры зажег!
Пьем тебе, великий бог!
Жизнь миров и душ светило!

Слабым — братскую услугу,
Добрым — братскую любовь,
Верность клятв — врагу и другу,
Долгу в дань — всю сердца кровь!
Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй святое дело —
Вечный стыд его врагам.

Х о р

Нашу длань к твоей, отец,
Простираем в бесконечность!
Нашим клятвам даруй вечность!
Наши клятвы — гимн сердец!

Февраль 1823

СЛЕЗЫ

O lacrimarum fons. . .
Gray¹

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листьями
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда создание
Как бы погружено в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне! . .

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенний воздух пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы! . .

¹ О источник слез. . . (лат.). Грей (англ.). — *Ред.*

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами,
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму всё снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одинока...

Между 1823 и 1826

ДРУЗЬЯМ

ПРИ ПОСЫЛКЕ „ПЕСНИ РАДОСТИ“
ИЗ ШИЛЛЕРА

Что пел божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы
И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душой,
Во взорах — луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей.

И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске, —
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщет звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена, —
И порвала ее Разлука!

Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье

Я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!), —
К протекшему душою улетаю,
И Радость пел — пока о вас мечтал.

Между 1823 и 1827

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог — увы! — умилоствить их —
Он служит им укрою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горé духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ

< Из Гердера >

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
 Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
 Бодрей, бодрей
 На пир мечей,
 На брань! . .

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други,
И вслед за могучим
 Ударим грозой! . .

Вихрем помчимся,
Сквозь тучи и гром,
К солнцу победы
Вслед за орлом! . .

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,

Туда он ударит — перун вседробящий —
И след огнезвездный и кровью горящий
Прорвет дружине в железной ночи.

За ним, за ним — в ряды врагов,
Смелей, друзья, за ним! ..
Как груды скал, как море льдов —
Прорвем их и стесним! ..

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь! ..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но вас, обновленных прохладой сна, —
Кровавая битвы подымет волна! ..

Дружина, воспрянь! ..
Смерть иль победа! ..
На брань! ..

ПРОБЛЕСК

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон? . .

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг. . .
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое зефира
Взрывает скорбь в ее струнах. . .
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живую,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

< 1825 >

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье! . .

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в вашем круге,
Но сердце здесь погребено! ..»

< 1826 >

14-е ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

1826

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, —
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

1826 (?)

(ИЗ ГЕЙНЕ)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч, —
Так, один, в ночи бывшего
Светит мне отрадный луч.

Все на палубе сидели,
Вдоль по Рейну неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.

И у ног прелестной дамы
Я в раздумии сидел,
И на милом, бледном лике
Тихий вечер пламенел.

Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.

Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах, —
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.

Между 1827 и 1829

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

(Из Гете)

На старой башне, у реки,
Дух рыцаря стоит
И, лишь завидит челноки,
Приветом их дарит:

«Кипела кровь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца!

Пробушевал полжизни я,
Другую проволоюк:
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток!»

Между 1827 и 1829

ВОПРОСЫ

(Из Гейне)

Над морем, диким полуночным морем,
Муж-юноша стоит —
В груди тоска, в уме сомненья —
И сумрачный, он вопрошает волны:
«О, разрешите мне загадку жизни,
Мучительно-старинную загадку,
Над коей сотни, тысячи голов —
В египетских халдейских шапках,
Гиероглифами ушитых,
В чалмах, и митрах, и скуфьях,
И с париками, и обритых —
Тьмы бедных человеческих голов
Кружились, и сохли, и потели, —
Скажите мне, что значит человек?
Откуда он, куда идет,
И кто живет над звездным сводом?»
По-прежнему шумят и ропщут волны,
И дует ветер, и гонит тучи,
И звезды светят холодно и ясно, —
Глупец стоит — и ждет ответа!

Между 1827 и 1830

* * *

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного — ослабеем,
Убавим шагу — отстаем.

Между 1827 и 1830

(ИЗ ГЕЙНЕ)

Закралась в сердце грусть, — и смутно
Я вспомянул о старине:
Тогда всё было так уютно
И люди жили как во сне.

А нынче мир весь как распался:
Всё кверху дном, все сбились с ног, —
Господь-бог на небе скончался,
И в аде сатана издох.

Живут как нехотя на свете,
Везде брюзга, везде раскол, —
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

Между 1827 и 1830

<ИЗ «ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА» ГЕТЕ>

I

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот не знаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья,
И после муками казнят:
Нет на земли проступка без отмщенья!

II

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд, —
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, —
С ней не расстанусь я!

Как кра́дется к милой любовник тайком:

«Откликнись, друг милый, одна ль?»

Так бродит ночью и днем

Кругом меня тоска,

Кругом меня печаль! . .

Ах, разве лишь в гробу

От них укрыться мне —

В гробу, в земле сырой —

Там бросят и оне!

Между 1827 и 1830

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мгlistый;
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Между 1827 и 1830

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

< 1828, 1854 >

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

Душой весны природа ожила,
И блещет всё в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

Давно ль умолк Перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире...

.....
И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком.

< 1828 >

САСНЕ-САСНЕ ¹

Вот арфа ее в обычном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!

¹ Игра в прятки (франц.). — *Ред.*

Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

< 1829 >

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и вемяю,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

<1829>

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

< 1829 >

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг,
И мы, в борьбе, природой целой,
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

<1829>

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносились порой
Все звуки жизни благодатной —
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье. . .

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье. . .

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

<1829>, <1851>

«ИЗ МАНЦОНИ»

Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замыслов событие,
Несбыточных, как сон, —

Всё испытал он! — счастье,
Победу, заточенье,
И всё судьбы пристрастие,
И всё ожесточенье! —
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон! . .

Явился: два столетия
В борении жестоком,
Его узрев, смирились вдруг,
Как пред всесильным роком.
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!

Исчез — и в ссылке довершил
Свой век невероятный —
Предмет безмерной зависти

И жалости безмерной,
Предмет вражды неистовой,
Преданности слепой! . .

Как над главою тонущих
Растет громадой пенной
Сперва игравший ими вал —
И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока, —

Так память над душой его,
Скопившись, тяготела! . .
Как часто высказать себя
Душа сия хотела,
И, обомлев, на лист начатый
Вдруг падала рука!

Как часто пред кончиной дня —
Дня безотрадной муки, —
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он — и минувшее
Овладевало им! . .

Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины бóев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев —
Железный мир и дышащий
Велением одним! . .

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал. . . Но сильная
К нему рука спустилась —
И к небу, милосердая,
Его приподняла! . .

Конец 1820-х годов

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя вливает солнца свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одею
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

* * *

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня! ..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный, —
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

* * *

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт — и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак
тощий,
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала ночь — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

«ИЗ «ПУТЕВЫХ КАРТИН» ГЕЙНЕ»

«Прекрасный будет день», — сказал товарищ,
Взглянув на небо из окна повозки. —
Так, день прекрасный будет, — повторило
За ним мое молящееся сердце
И вздрогнуло от грусти и блаженства!..
Прекрасный будет день! Свободы солнце
Живей и жарче будет греть, чем ныне
Аристокрация светил ночных!
И расцветет счастливейшее племя,
Зачатое в объятьях произвольных,
Не на одре железном принужденья,
Под строгим, под таможенным надзором
Духовных приставов, — и в сих душах
Вольнорожденных вспыхнет смело
Чистейший огонь идей и чувствований —
Для нас, рабов природных, непостижный!

Ах, и для них равно непостижима
Та будет ночь, в которой их отцы
Всю жизнь насквозь томились безотрадно
И бой вели отчаянный, жестокий,
Противу гнусных сов и ларв подземных,
Чудовищных Ерева порождений!..
Злосчастные бойцы, все силы духа,
Всю сердца кровь в бою мы истощили —

И бледных, преждевременно одряхших
Нас озарит победы поздний день! .
Младого солнца свежее бессмертье
Не оживит сердец изнеможенных,
Ланит потухших снова не зажжет!
Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!

Так думал я и вышел из повозки
И с утренней усердною молитвой
Ступил на прах, бессмертьем освященный! . .

Как под высоким триумфальным сводом
Громадных облаков всходило солнце,
Победоносно, смело и светло,
Прекрасный день природе возвещая.
Но мне при виде сем так грустно было,
Как месяцу, еще заметной тенью
Бледневшему на небе. — Бедный месяц!
В глухую полночь, одиноко, сирю,
Он совершил свой горемычный путь,
Когда весь мир дремал — и пировали
Одни лишь совы, призраки, разбой;
И днесь пред юным днем, грядущим в славе,
С звучащими веселием лучами
И пурпурной разлитую зарей,
Он прочь бежит. . . еще одно воззренье
На пышное всемирное светило —
И легким паром с неба улетит.

Не знаю я и не ищю предвидеть,
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробный?

Поэзия душе моей была
Младенчески-божественной игрушкой —
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! я ратник был свободы,
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь мою в ее священной брани!

Конец 1820-х — начало 1830-х годов

К. Н. Н.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь и не краснеешь!

Всё тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих молодых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для
взгляда

Смотреть, в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

< 1830 >

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

<1830>

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами,
И задымилась гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

< 1830 >

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

<1830>

* * *

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
 Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит. . .
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
 В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
 Со всех сторон окружены.

< 1830 >

ЗАВЕТНЫЙ КУБОК

(Из Гете)

Был царь, как мало их ныне, —
По смерти он верен был:
От милой, при кончине,
Он кубок получил.

Ценил его высоко
И часто осушал, —
В нем сердце сильно билось,
Лишь кубок в руки брал.

Когда ж сей мир покинуть
Пришел его черед,
Он делит всё наследство, —
Но кубка не дает.

И в замок, что над морем,
Друзей своих созвал —
И с ними на прощанье,
Там сидя, пировал.

В последний раз упился
Он влагой огневой, —
Над бездной наклонился
И в море — кубок свой. . .

На дно пал кубок морское, —
Он пал, пропал из глаз,
Забилось ретивое, —
Царь пил в последний раз! . .

1830

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И — в брызги разлетишься! . .

1830

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит. . .

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

1830

ДВУМ СЕСТРАМ

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней. . .
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!

И всё, как в зеркале волшебном,
Всё обозначилось вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

1830

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла — еще курясь лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

1830

СТРАННИК

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров! . .
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов! . .

Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье. . .

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит всё — и славит бога! . .

1830

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход! . .

1830

* * *

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня всё было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Всё на́ душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, — мыслил я, — пришли издалика,
Вы сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, —
Так отрок, чар ночных свидетель быв
случайный,
Про них и днем молчание хранит.

1830

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста!

1830

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

1830

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим,
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе! . .

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?

Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим! . .

1830

АЛЬПЫ

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари,
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари! ..

Но Восток лишь заалет,
Чарам гибельным конец —
Первый, в небе, просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая семья! ..

1830

* * *

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Всё жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось из груди ея. . .
И новый мир увидел я!

1830

MAL'ARIA ¹

Люблю сей божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима.
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветр верхи дерев колышет,
Всё тот же запах роз, и это всё — есть Смерть!

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса,
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки.
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

1830

¹ Зараженный воздух (итал.). — *Ред.*

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так! Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величьи видел ты
Закат звезды ее кровавой! . .

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир;
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

1830

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает:

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразьи нестерпимом! . .

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

1830 (?)

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

1830 (?)

SILENTIUM! ¹

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне,
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей!
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи! ..

1830, 1854

¹ Молчание! (лат.). — *Ред.*

* * *

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Проя попутных бурь дыханья
У негодующих небес, —
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать

И вестъ на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

1831

Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,
Тень мужа над люлькой сидела в углу.

Между 1831 и 1836

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

(Из Гете)

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви — и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

< 1832 >

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ

(Из Уланда)

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною! . .

< 1832 >

〈ИЗ ШЕКСПИРА〉

I

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты! ..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец, то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный, видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленьи,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли —
И, лишь создаст воображенья виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и названье! ..

II

ПЕСНЯ

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван повешал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Выпускают мертвцов!..

< 1832 >

* * *

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепетал,
Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не бурный ливень
летний

Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней,
И сам собою пал, как из венка!

1832

К ***

Уста с улыбкою приветной,
Румянец девственных ланит
И взор твой светлый, искрометный --
Всё к наслаждению манит. . .
Ах! этот взор, пылая страстью,
Любовь на легких крыльях шлет
И некою волшебной властью
Сердца в чудесный плен влечет.

< 1833 >

PROBLÈME ¹

С горы скатившись, камень лег в долине. —
Как он упал? никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины *сам* собой,
Иль был *низринут волею чужой?*
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

15 января 1833, 2 апреля 1857

¹ Проблема (франц.). — *Ред.*

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебядохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

21 апреля 1834

* * *

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

* * *

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей? .. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости. . .
За нами много, много слез,
Туман, неизвестность впереди!

«О, оглянись, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать? . .
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди. . .
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи. . .
Всё милое душе твоей
Ты покидаешь на пути! ..»

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

Между 1834 и 1836

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела. . .
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Между 1834 и 1836

СОН НА МОРЕ

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебном-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижим сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

<1836>

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, золотые сны? . .

Весь день, в бездействии глубоко,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту. . .

< 1836 >

* * *

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день создания,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит..

На мир дневной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул..
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул..

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

< 1836 >

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

< 1836 >

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю? ..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей,
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой. ..

<1836>

* * *

Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

<1836>

* * *

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилось вокруг...
Толкуются, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит...

Вещает брэнность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

<1836>

* * *

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало, —
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало, —
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликovalo...

Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя, —
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

<1836>

* * *

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утрення веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!..

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

<1836>

* * *

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем...

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

<1836>

* * *

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье...
Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в долину —
Попробуй, каково у них!

<1836>

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

< 1836 >

* * *

Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

< 1836 >

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененьи ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всеильный хлад не может:
Она всё льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот.

< 1836 >

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

<1836>

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда; сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

<1836>

* * *

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

<1836>

* * *

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи...

Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вились хороводы
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели,
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,
Заклучен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальный гул как бы во сне.

Чуть дремотой забывался,
Гул ясел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.

Всё прошло, всё взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, — и пароходы
Нынче рыщут по тебе.

< 1836 >

* * *

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
 Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом,
И слов в унынии моем
 Не нахожу.

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?..
 Оно пройдет —
Пройдет оно, как всё прошло,
И канет в темное жерло
 За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
 Сей знак земной?..
Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом новый знак
 И лист иной.

И снова будет всё, что есть,
И снова розы будут цвести,
 И терны тож... .

Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
 Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
 То знает бог!
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
 Последний вздох.

< 1836 >

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуеилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу,
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

< 1836 >

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистошимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты! ..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

< 1836 >

* * *

Яркий снег сиял в долине, —
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине, —
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

< 1836 >

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.
.
.
.

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

.
.
.
.

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!..

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колыхет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну слышала она,
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

< 1836 >

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

< 1836 >

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподынешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

<1836>

* * *

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вокруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям, —

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеваясь,
Меж пологамн развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

1836 (?)

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA ¹

И распротысь с тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь, —
Блаженной тенью, тенью элисейской,
Она заснула в добрый час.

И вот, уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... всё было так спокойно,
Так всё от века мирно и темно!..

¹ Вилла (итал.). — *Ред.*

Фонтан журчал... недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

.

Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, — увы! — что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

Декабрь 1837

29-е ЯНВАРЯ 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он вышею рукою
В «цареубийцы» заклеямен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью,
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И, осененный, опочил,
Хоругвью горести народной.

Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

1837

1-е ДЕКАБРЯ 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным
сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет,

1837

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу! . .
Давно ль — хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как *во время онос*,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла . . .
Они всё те же и поныне —
Всё так же блещут и звучат;
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я . . . Я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон . . .
Здесь воздух колет. Снег обильный.
На высотах и в глубине —

И холод, чародей всеильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством выюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге,
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей,
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

1837 (?)

* * *

С какую негию, с какой тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал
на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что́ будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,
Иль в сон иной бы перешла.

1837 (?)

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не съединяет их?

<1838>

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна — она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землю,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;

Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, —
И страх кончины неизбежной
Не свет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

<1838>

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрыва,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

< 1839 >

* * *

Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольны кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змеею сердце жалит,
Он, как пчела, его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

<1839>

* * *

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

21 ноября 1844

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, неожиданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

МОРЕ И УТЕС

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незаблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской,
С ревом, свистом, визгом, воем,
Бьет в утес береговой, —
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!

И озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.

Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой —
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она,
И без вою и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои. . .

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле. . .

1848 или 1849

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит неуловима! ..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма. . .»

1848 или 1849

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

1848 или 1849, 1850

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

6 июня 1849

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечерающего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах,
Как брат меньшей, умерший в пеленах...

Ах, нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Всё, чем я жил и чем я дорожил!

13 июня 1849

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849

* * *

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей, —
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Всё звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

29 ноября 1849

* * *

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его головой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..

1849

* * *

Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной — родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провеваает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.

Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

1849 (?)

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

1849 (?)

НАПОЛЕОН

I

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

II

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе — орлы парили,
В его груди — змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчет.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...
Он был земной, не божий пламень,

Он гордо плыл — презритель волн, —
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

III

И ты стоял — перед тобой Россия!
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
 «Да сбудутся ее судьбы!..»
И не напрасно было заклинанье:
Судьбы откликнулись на голос твой!..
Но новою загадкою в изгнание
Ты возразил на отзыв роковой!..

Года прошли — и вот, из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец,
На берегах реки, тебе любезной,
Тревожный дух, почил ты наконец!..
Но чуток сон — и по ночам, тоскуя,
Порою встав, ты смотришь на Восток,
И вдруг, смутясь, бежишь, как бы почуя
 Передрассветный ветерок.

ПОЭЗИЯ

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

<1850>

РИМ НОЧЬЮ

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Всё тот же мир, волшебный, но
отживший!..

<1850>

ВЕНЕЦИЯ

Дождь Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей.

И не даром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы)
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...

И чета в любви и мире
Много славы нажила —
Века три или четыре,
Всё могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от *львиного крыла*.

А теперь?
В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..

Миновались поколения, —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

< 1850 >

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом,
В горнем выпрленном пределе,
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

< 1850 >

* * *

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

НА НЕВЕ

И опять звезда ныряет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездой
Он скользит как бы во сне,
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Пышноструйная волна,
Приюти в твоём просторе
Тайну скромного челна!

Июль 1850

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

12 августа 1850

* * *

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

ГРАФИНЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

(В ответ на ее письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!

И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне. . .

Знакомый голос. . . голос чудный. . .
То лирный звук, то женский вздох. . .
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог. . .

Я спал в оковах тяжелой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.

Но этот сон полумогильный
Как надо мной ни тяготел,

Он сам же, чародей всесильный,
Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил —
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил. . .

Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом —
И в замке феи-*Нелюдимки*
Вдруг очутились мы вдвоем! . .

Вдвоем! — И песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

1850

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где всё тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцаньи полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

1850 (?)

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей *всё* пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава богу!

1850 (?)

ДВА ГОЛОСА

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги,
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850 (?)

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я!
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

< 1851 >

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

Май 1851

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июня 1851

ВОЛНА И ДУМА

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой!

14 июля 1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землюю
Небо, полное грозою,
Всё в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...

14 июля 1851

* * *

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновение,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851

* * *

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, —
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851

* * *

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание —
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда, порой, так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колена
Пред колыбелью дорогой,

Где спит *она* — твое рождение —
Твой безыменный херувим, —
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851

* * *

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье! . .

1851

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутятся, слетает на дорогу...

1851

* * *

Недаром милосердым богом
Пугливой птичка создана —
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.

И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской...
Чем ближе к ним, тем ближе к Року —
Несдобровать под их рукой...

Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, взрастила,
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.

Но как, с любовью тревожной,
Ты, дева, ни пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный —
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей...

1851

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

1851 (?)

«ИЗ ГЕТЕ»

Kennst du das Land?...¹

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.

Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отродье змей живет,
Гремит обвал, и водопад ревет...
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Лежит наш путь — уйдем, властитель мой.

Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал, и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя?..»
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.

1851 (?)

¹ Ты знаешь край? .. (нем.). — *Ред.*

«ИЗ ШИЛЛЕРА»

Es lächelt der See. . . ¹

С озера веет прохлада и нега —
Отрок заснул, убаюкан у берега.
Блаженные звуки
Он слышит во сне:
То ангелов лики
Поют в вышине.

И вот он очнулся от райского сна —
Его, обнимая, ласкает волна,
И слышит он голос,
Как ропот струи.
«Приди, мой красавец,
В объятия мои!»

1851 (?)

¹ Смеется озеро. . . (нем.). — *Ред.*

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

1851 (?)

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит. . .
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу. . . им, им одним живу я —
Но эта жизнь! . . о, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно. . .
Не мерят так и лютому врагу. . .
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1851 или 1852

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

1851 или 1852

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что как святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

1851 или 1852

* * *

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их — знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

< 1852 >

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы — для земнородных
Два божества — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он. . .

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца. . .

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

< 1852 >

* * *

Mobile comme l'onde...¹

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

¹ Непостоянная, как волна... (франц.). — *Ред.*

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет — в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Апрель 1852

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

1

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

2

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он всё в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих, первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

3

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змиинной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел. . .

4

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру. . .
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те ўзрят бога!»

Конец июня 1852

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей.. .

28 июля 1852

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой. . .

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Между 1852 и 1854

НЕМАН

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой? . .
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил. . .

Ты помнишь ли бывшее, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам — могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними,

И двигал всем, и всё стерег
Очами чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* — стоял и ждал...
И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...

И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое число
Клеймо минуло роковое...

Начало сентября 1853

ЛЕТО 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, спрошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего? ..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет? ..

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас! ..

Август 1854

* * *

Увы, что нашего незнания
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья!*
Чрез бездну двух или трех дней?

11 сентября 1854

* * *

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное. . .

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попусьеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем. . .

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье, —
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!

О, в этом испытаньи строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом. . .

24 октября 1854

* * *

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне, —
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю...
Слава богу, я с тобою,
А с тобой мне — как в раю.

10 июля 1855

* * *

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

13 августа 1855

* * *

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

〈ИЗ МИКЕЛАНДЖЕЛО〉

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел
завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

1855

* * *

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки
пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

1855

1856

Стоим мы слепо пред Судьбою.
Не нам сорвать с нее покров...
Я не *свое* тебе открою,
А бред пророческий духов...

Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, —
И вот — в железной колыбели,
В громах родился Новый год...

Черты его ужасно строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Принес он людям на земле.

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно задуманный удар...

Для битв он послан и расправы,
С собой принес он два меча:
Один — сражений меч кровавый,
Другой — секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли вы,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...

31 декабря 1855

* * *

Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Всё пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Всё мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

1855 (?)

* * *

Всѣ, что сберець мне удалось
Надежды, веры и любви,
В одну молитву всѣ слилось:
Переживи, переживи!

8 апреля 1856

П. Ф. ЩЕРБИНЕ

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857

* * *

Прекрасный день его на Западе исчез,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он из глубины полуночных небес —
Он сам глядит на нас пророческой звездою.

11 апреля 1857

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

15 августа 1857

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поймых родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Август 1857

* * *

В часы, когда бывает
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, --

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струею по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

< 1858 >

* * *

Она сидела на полу
И грудку писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

< 1858 >

«ИЗ ЛЕНАУ»

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —

Пойдем и взглянем вдоль реки,
Туда, по склону вод,
Куда стремглав бегут струи,
Куда поток несет —

Неодолим, неудержим,
И не вернется вспять...
И чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы льются из очей,
И видим мы сквозь слез,
Как всё быстрее и быстрее
Волненье понеслось...

Душа впадает в забытьё —
И чувствует она,
Что вот умчала и её
Великая волна.

15 августа 1858

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят,
И белокрылые виденья,
На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

22 октября 1858

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

I

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал — и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край...
Путь далек — не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым
навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Всё голо так — и пусто-необъятно
В однообразии немом...

Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла, — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859

Е. П. АННЕНКОВОЙ

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.

Мы видим: с голубого свода
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...

Всё лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко...
Так разнo с тем, что в нашем мире,
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.

Проснулись мы, — конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.

Но долго звук неуловимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Всё тот же взор неотразимый,
Всё та ж улыбка, что во сне.

1859

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

На небе месяц — и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений.
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Декабрь 1859 (?)

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, —
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

<1861>

**НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ
ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКОГО**

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.

Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет —
И с первым сном она бежит от них.

Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи — нет второй!

Не то от ней присуждено вам было:
Вас юношей, настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,

Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее всё была.

И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз, —
И в кубок ваш всё жарче и светлее
Так вдохновение лилось.

И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подыдем в честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!

Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.

Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горний мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..

Конец февраля — начало марта 1861

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И всё еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе — как звезда.

27 марта 1861

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей.

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

12 июля 1861

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты — жизнь, назначенная к бою,
Ты — сердце, жаждущее бурь.

Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь — я уйду.

Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня...
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы —
Нет, это всё не для меня!

Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета,
Нам смутно грезившемся сне.

25 июля 1861

* * *

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой —
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

Апрель 1862

* * *

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит
И жизнь и свет внесет с собою,
Всё огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодеда,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья, —
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радушный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей,
И этот длинный, тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

* * *

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая Гора,
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы всё забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...

11 октября 1864

* * *

О, этот Юг! о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху;
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

21 ноября — 13 декабря 1864

ENCYCLICA ¹

Был день, когда господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм,
И, собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.

Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни — дни божьего суда —
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа.

Столетия шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темные дела,
Но не простится правдой бога
Его последняя хула...

Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет, —
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред!»

21 декабря 1864

¹ Энциклика (лат.) — папское послание. — *Ред.*

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»

.

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

1864

* * *

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдьи ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянии,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянии
Всю потопил бы я душу свою...

2 января 1865

* * *

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, --
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови.

Он милосердый, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

12 января 1865

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один с моей тупой тоскою
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял *ее*, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

Конец марта 1865

* * *

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но бог недаром в нем сказался —
Бог верен избранным своим...

Сто лет прошло в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена.
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь *память вечную* гласим.

Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещение,
Не нас поработил ему, —

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Начало апреля 1865

* * *

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил:
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил».

30 апреля 1865

* * *

*Est in arundineis modulatio musica ripis*¹

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

11 мая 1865

¹ Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках (лат.). — *Ред.*

* * *

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865

* * *

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью **рдея**,
Она всё ярче, всё живее —
Вся разгорается она —
Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...

29 июля 1865

**НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ
4 АВГУСТА 1864 г.**

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснувшего дня,
Тяжело мне, замирают ноги. . .
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня. . .
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня. . .
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

18 августа 1865

* * *

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

23 ноября 1865

* * *

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Всѣ в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

21 декабря 1866

* * *

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...•

12 апреля 1866

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Начало сентября 1866

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА

Великий день Карамзина
Мы поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим —
Народный праздник и семейный?

Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души,
Высокой и ко благу страстной, —

Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший всё совокупить
В ненарушимом полном строе,
Всё человечески-благое,
И русским чувством закрепить, —

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

30 ноября — 1 декабря 1866

* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Всё гуще мрак, всё пуще горе,
Всё неминуемой беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...

20 декабря 1866

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достопавностей бывших.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывое чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывое
Словно дышит в забытьи;
Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

1866

В РИМЕ

(с французского)

Средь Рима древнего сооружалось зданье —
То Нерон воздвигал дворец свой золотой.
Под самую дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, царь земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя». —
«Как, мне не уступить? Мир гнется подо
мной!» —
«Весь мир тебе слугой, а мне слугою —
Время».

Конец декабря 1866 — начало января 1867

ДЫМ

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес,
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

Лучи сквозили, трепетали тени,
Не умолкал в деревьях птичий гам,
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.

На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу к нам, из полумглы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние создания,
Но близок был нам этот чудный мир.

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу?
Спустил ее от неба до земли?

Что это? призрак, чары ли какие?
Где мы? и верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым — безотрадный, бесконечный дым!

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Всё тот же лес, волшебный и родной.

26 апреля — начало мая 1867

СЛАВЯНАМ

Man muss die Slaven an die Mauer
drücken¹

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем! . .

Да, стенка есть — стена большая, —
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла. . .

Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри. . .

¹ Славян надо прижать к стене (нем.). — *Ред.*

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их, —
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

11—16 мая 1867

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья.

14 октября 1867

* * *

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Всё стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Июнь 1868

ПОЖАРЫ

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготее над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, —
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло —
Беспомощное дитя.

16 июля 1868

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное. . .

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! — Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

* * *

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее — но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

1868

* * *

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направленью,
А русский вы — сознайтесь в том —
По Третьему лишь отделенью.

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером
Аристократии служили —
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?

Начало января 1869

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

* * *

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней — чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разногосья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей — увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.

Когда она, при роковом сознании
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянии
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свеваёт
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Март 1869

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869

Ю. Ф. АБАЗЕ

Так — гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.

В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится и рвется,
И хочет высказаться вслух...

Не то совсем при вашем пенье,
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...

Из тяжелой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки — *душу живу*,
В них вашу душу слышим мы.

22 декабря 1869

* * *

Над Россией распростертой
Встал внезапно грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же *второй*.

1860-е годы

* * *

Как нас ни угнетай разлука,
Не покоряемся мы ей —
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.

Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.

И знаем мы: под этой дымкой
Всё то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится — и молчит.

Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

Конец 1860-х годов

«ИЗ ГЕТЕ»

Радость и горе в живом упоеньи,
Думы и сердце в вечном волненьи,
В небе ликуя, томясь на земли,
 Страстно ликующей,
 Страстно тоскующей,
Жизни блаженство в одной лишь
 любви. . .

Февраль 1870

ГУС НА КОСТРЕ

Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя; всё молчит, —
Лишь слышен легкий треск, и в нижнем
слое
Костра огонь предательски сквозит.

Дым побежал — народ столпился гуще;
Вот все они — весь этот темный мир:
Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий,
Ложь и насилье, рыцарство и клир.

Тут вероломный кесарь, и князей
Имперских и духовных сонм верховный,
И сам он, римский иерарх, в своей
Непогрешимости греховной.

Тут и она — та старнца простая,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.

И на костре как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится — и голос не дрожит...

Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель
В своей высокой простоте, —

Не изменив ни богу, ни народу,
Боролся он — и был необорим —
За правду божью, за ее свободу,
За всё, за всё, что бредом назвал Рим.

Он духом в небе — братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.

О чешский край! о род единокровный!
Не отвергай наследья своего!
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!

И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.

15—17 марта 1870

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1876

* * *

Веленью высшему покорны,
У *мысли* стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не *арестантский*, а *почетный*
Держали караул при ней.

27 октября 1870

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один, — и пусто всё кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой, — и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И — что со мной, не сознавая сам. . .

Бесследно всё — и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том?
Всё будет то ж — и выюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.

11 декабря 1870

* * *

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдет!

Но этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца всё претерпел.

1870

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезю природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

17 августа 1871

* * *

Всѣ отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Февраль 1873

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕСНА

Благоуханна и светла,
Уж с февраля весна в сады вошла,
И вот миндаль мгновенно зацвела,
И белизна всю зелень облила.

Февраль 1873

БЕССОННИЦА

(Ночной момент)

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла
И всюду водворилась мгла,
Всё тихо и молчит; и вот луна взошла,
И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь несколько церквей, потерянных
вдали,
Блеск золоченых глав, унылый тусклый зев
Пустынно бьет в недремлющие очи,
И сердце в нас подкидышем бывает,
И так же плачется и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает,
Но тщетно плачется и молится оно:
Всё вокруг него и пусто и темно!
Час и другой всё длится жалкий стон,
Но наконец, слабая, утихает он.

Апрель 1873

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем собрании избранных стихотворений Ф. И. Тютчева тексты в основном, с некоторыми уточнениями, печатаются по последнему «Полному собранию стихотворений» Тютчева (Большая серия «Библиотеки поэта», изд. 2-е, Л., 1957). Уточнения касаются некоторых датировок (см., например, примечания к стихотворениям «Друзьям при посылке «Песни радости» из Шиллера», «С. Е. Раичу» («На камень жизни роковой...»), «Как он любил родные ели...»), а также текста стихотворения «Problème» («С горы скатившись, камень лег в долине...»).

Стихотворения расположены в хронологическом порядке. В угловые скобки заключены заглавия стихотворений, не принадлежащие Тютчеву, а также даты, не позднее которых, судя по первой публикации, могли появиться стихотворения.

<С. Е. Раичу> («Неверные преодолев пучины...»). Посвящено другу и воспитателю Тютчева, поэту Семену Егоровичу *Раичу* (1792—1855), по случаю окончания им перевода «Георгик» Вергилия, над которым Раич работал с 1816 по 1820 г. Тютчев рассматривает перевод Раича как литературный подвиг, как победу поэта, са-

мостоятельно творящего. Раич вслед за В. А. Жуковским отстаивал право поэта на вольный, а не точный перевод: «По моему мнению, творение вкуса должно срисовывать по глазомеру — по навыку глаза и чувств, но не по циркулю, не по стеклу, не по квадратам, как рисунки для канвы», — писал он в 1825 г. Вольным был и его перевод «Георгик», первым судьей и критиком которого был юный Тютчев. *Древо Аполлона* — лавр.

К оде Пушкина на вольность. Об оде Пушкина «Вольность» Тютчев беседует с М. П. Погодиным в ноябре 1820 г., в дни «Семеновского бунта» (восстания в Семеновском полку) в Москве. «Говорил с Загряжским, Ждановским, Кандорским, Троицким о семеновцах; с Тютчевым о молодом Пушкине, об оде его «Вольность», — записывает М. П. Погодин в своем дневнике. В бумагах Погодина сохранились переписанные рукой Тютчева двенадцать заключительных строк пушкинской оды «Вольность», в которых Тютчева привлек, по-видимому, призыв к царям «склониться первыми главой под сень надежную закона». *Алцей* (Алкей) — древнегреческий поэт VII—VI вв. до н. э., оды которого проникнуты ненавистью к тирании.

Одиночество. Перевод элегии Альфонса Ламартина (1791—1869), французского поэта, историка и политического деятеля. Тютчевский перевод является одним из многих русских пере-

водов этой элегии, появившихся после выхода в 1820 г. сборника стихотворений Ламартина «Meditations poétiques». *Как светло сонмы звезд пылают надо мною* и т. д. Концовка появилась во второй редакции перевода (между 20 марта и 1 апреля 1822 г.) и является собственно тютчевской. Соответствия ей во французском оригинале нет.

А. Н. М<уравьеву> («Нет веры к вымыслам чудесным...»). Посвящено поэту Андрею Николаевичу *Муравьеву* (1806—1874), воспитаннику С. Е. Раича и участнику его литературного кружка. При публикации в «Русском зрителе» в 1828 г. третья строфа отделялась от первых двух чертой, что указывало на некоторую самостоятельность третьей строфы в стихотворении.

<С. Е. Раичу> («На камень жизни роковой...»). В 1828 г. С. Е. Раич опубликовал свой перевод «Освобожденного Иерусалима» Тассо, вызвавший оживленную полемику. Нападкам подвергся, в частности, «балладный» размер перевода. Стихотворение Тютчева опубликовано в дружественном Раичу журнале «Атеней» (январь 1829) в разгар этой полемики, и, по-видимому, не случайно размер и строфа его повторяют размер и строфу перевода Раича. Можно предположить, что оно написано в 1827—1828 гг. *Предстал во храм Свободы*. Раич был членом образовавшегося в Москве около 1815 г. студенческого Общества громкого смеха, которое к 1818 г. при-

няло политическое направление. В 1818 г. председателем Общества стал князь Ф. Шаховской, декабрист, один из основателей Союза Благоденствия. Он дал членам Общества громкого смеха подписать устав Союза Благоденствия, т. е. принял их в тайное общество. На следствии по делу декабристов Раич был назван в качестве члена Союза Благоденствия. *Но мрачных жертв не приносил* и т. д. В 20-е годы, увлеченный литературной борьбой, Раич устраняется от участия в тайных обществах. *Орфеева супруга* — Эвридика; Орфей (греч. миф.) — поэт и певец, очаровывавший своим пением. Об Эвридике и Орфее говорится в четвертой книге «Георгик» Вергилия, изданных в 1821 г. в переводе Раича. *Он так достиг земных венцов*. В 1827—1828 гг. Раич получил от императрицы два алмазных перстня за альманах «Северная лира» и за перевод «Освобожденного Иерусалима». *А спорил в жизни только раз — на диспуте магистра*. Раич защищал магистерскую диссертацию «Рассуждение о дидактической поэзии» в конце апреля 1822 г. В ней он выступал против признанного литературного авторитета критика и профессора Московского университета А. Ф. Мерзлякова, доказывая ложность дидактического направления в поэзии.

Песнь радости. Перевод стихотворения «An die Freude» Шиллера (1759—1805). *Хариты* (греч. миф.) — богини радости, веселья и красоты. *Вретище* (слав.) — грубая одежда, иногда в значении: траурная одежда.

Слезы. Эпиграф взят из стихотворения «Alcaic fragment» («Фрагмент из Алкея») английского поэта Томаса Грея (1716—1771), ранние стихи которого написаны по-латыни. *То в ямочки впиивается ланит.* Образ, по всей вероятности, восходит к стихотворению Державина «Русские девушки»: «На ланитах огневые Ямки врезала любовь». *Пафосская царица* (греч. миф.) — Афродита, богиня любви и красоты. На острове Пафос находился посвященный ей храм.

С чужой стороны. Перевод стихотворения Генриха Гейне (1797—1856) «Ein Fichtenbaum steht einsam...». Широко известен вольный перевод этого стихотворения, принадлежащий М. Ю. Лермонтову («Сосна»).

Друзьям при посылке «Песни радости» из Шиллера. Обращено к живущим в России друзьям поэта С. Е. Раичу, М. П. Погодину и другим, которым переслано не позднее 1827 г. (дата публикации «Песни радости» в альманахе Раича «Северная лира»).

К Н. («Твой милый взор, невинной страсти полный...»). Адресат стихотворения не установлен. *Горé* — в высоте.

Песнь скандинавских воинов. Перевод стихотворения «Morgengesang im Kriege» немецкого поэта Иоганна Готфрида Гердера (1744—1803). Впервые опубликовано в альманахе

«Урания», изданном товарищем Тютчева, М. П. Погодиным. Альманах вышел буквально в дни декабрьского восстания 1825 г. и был проникнут ярко выраженным либеральным духом (антикрепостнические повести Погодина, стихотворение Ротчева «Песнь грека», призывающее к борьбе с угнетением, «Прощальная песнь в кругу друзей» Раича, славившая круг друзей, сплотившихся во имя высоких целей). Сама обложка альманаха во многом напоминала обложку «Полярной звезды» Бестужева и Рылеева, первоначально альманах даже назывался в подражание «Полярной звезде» «Комета». В этом контексте стихотворение Тютчева воспринималось также как некий символический призыв к борьбе, — ср. строки из стихотворения В. Кюхельбекера «К Ахатесу»: «Мой пламенный юноша. вспрянь! О друг, полетим на священную брань!» Не случайно поэтому в дни событий 14 декабря, живя в Петербурге в одной гостинице с Тютчевым, Погодин делится с ним своими опасениями по поводу «Урании»: «...чтобы не увидели здесь согласия с образом мыслей заговорщиков и не притянули бы к допросам». *Петел* (слав.) — петух. *Перун* (слав. миф.) — бог грома и молнии; молния, гром.

Проблеск. 6—8 строфы стихотворения, возможно, являются отголоском одной из «Мыслей» французского философа и математика Паскаля (1623—1662): «Душа не может долго держаться на той высоте, до которой ее доводят великие усилия ума. Она делает лишь скачок, поднимаясь

не навсегда, а лишь на один момент». *Воздушная арфа* — «эолова арфа», струнный музыкальный инструмент, звучащий от дуновения ветра. Образ звящей эоловой арфы широко распространен в поэзии начала XIX в.

В альбом друзьям. Перевод стихотворения Джорджа Ноэля Гордона Байрона (1788—1824) «Lines written in an album at Malta». Кроме Тютчева, это стихотворение переводили Лермонтов, Вяземский, Козлов и другие поэты.

14-е декабря 1825. Написано по возвращении Тютчева в Мюнхен из России, где он находился в дни декабрьского восстания. Возникло, по-видимому, после обнародования в июле 1826 г. донесения следственной комиссии и приговора по делу декабристов.

(Из Гейне) «Как порою светлый месяц...». Перевод стихотворения Гейне «Wie der Mond sich leuchtend dränget...».

Приветствие духа. Перевод стихотворения Иоганна Вольфганга Гете (1749—1832) «Geistesgruss».

Вопросы. Перевод стихотворения Гейне «Fragen». В *египетских халдейских шапках*. Очевидно, Тютчев имеет в виду головные уборы жрецов Древнего Египта или Вавилонии («Халдейское царство»). В странах Древнего Востока

*

жрецы составляли ученую касту, в руках которой были сосредоточены знания, в частности астрономии, астрологии и т. д. *Гиероглифы* — иероглифы, знаки древней письменности; в переносном значении — непонятные, неразборчивые знаки. *Митра, скуфья* — разновидности головных уборов православных служителей культа.

«За нашим веком мы идем...». Написано, по-видимому, в связи с переводом стихотворения Гейне «Вопросы». Впервые было напечатано в «Галатее» 1830 г. слитно с этим переводом. Является как бы ответом на один из вопросов юноши — героя стихотворения «Вопросы»: «Скажите мне, что значит человек? Откуда он, куда идет?..» *Креуза* — жена троянского героя Энея. Когда тому пришлось бежать из Трои, следовавшая за ним Креуза все время отставала и наконец вовсе исчезла, — ее взяла к себе мать Энея, Афродита.

(Из Гейне) «Закралась в сердце грусть, — и смутно...». Перевод стихотворения Гейне «Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich...».

<Из «Вильгельма Мейстера» Гете>. I. «Кто с хлебом слез своих не ел...», II. «Кто хочет миру чуждым быть...» — перевод первой и второй песен арфиста из романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера».

Полдень. *Пан* (греч. миф.) — бог-покровитель стад, живущий в кругу нимф в долинах Ар-

кадии. В полдень, когда Пан засыпает, с ним засыпает вся природа, и этот покой считается священным. В Греции Пану были посвящены горы, пещеры и т. д.

Весенняя гроза. *Геба* (греч. миф.) — дочь верховных богов Зевса и Геры, на Олимпе была виночерпием во время трапез богов. *Кормя Зевсова орла*. Сюжет широко представлен в античном искусстве (скульптурные группы, камеи).

Могила Наполеона. *И дивная гробница, и скала!* Наполеон был похоронен в 1821 г. на острове Св. Елены. 11—12 строки были исключены цензурой при первой публикации стихотворения в журнале «Галатей» и до нас не дошли. *Перун* — см. стр. 386.

Сасхе-сасхе. Сильфиды (герм. миф.) — духи воздуха, легкие, подвижные существа.

Видение. *Атлас* (греч. миф.) — гигант, поддерживающий небосвод на своих плечах.

Бессонница («Часов однообразный бой...»). *Металла голос погребальный*. Образ восходит к строке «Глагол времен, металла звон...» из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

<Из Манцони> («Высокого предчувствия...»). Перевод 7—16 строф оды итальянского писателя Александра Манцони (1785—1873)

«Il cinque Maggio» («Пятое мая»), посвященной памяти Наполеона, умершего 5 мая 1821 г. *Два раза брошен был во прах И два раза на трон.* Наполеон был провозглашен императором в 1804 г.; в 1814 г., в результате поражения в войне с Россией, вынужден был отречься от престола, в 1815 г. вновь вернулся к власти на сто дней и в этом же году был сослан на остров Св. Елены. *И, обомлев, на лист начатый* и т. д. В ссылке Наполеон начал писать мемуары.

<Из «Путевых картин» Гейне>. Стихотворный перевод прозаического отрывка из «Reisebilder» Гейне (31 гл., III ч.). Содержание этого отрывка Гейне — размышления путешественника на поле битвы при Маренго (деревня в Верхней Италии), где 14 июня 1800 г. Наполеон одержал решающую победу над австрийскими войсками. *Ларвы подземные* (римск. миф.) — злые духи, которые мучили в подземном царстве души грешников. *Ерев* (античн. миф.) — Эреб — подземное царство.

К Н. Н. («Ты любишь, ты притворствовать умеешь...»). Адресат стихотворения не установлен.

Снежные горы. Впервые в «Галатее» 1830 г. было напечатано слитно со стихотворением «Утро в горах».

Заветный кубок. Перевод баллады Гете «Es war ein König in Thule...», которая включена в первую часть «Фауста» в качестве песни Маргариты.

«Здесь, где так вяло свод небесный...». Как и стихотворения «Через ливонские я проезжал поля...» и «Песок сыпучий по колени...», отражает дорожные впечатления Тютчева во время поездки из Германии в Россию в 1830 году.

Успокоение. *Перуны* — см. стр. 386.

Безумие. См. вступ. статью, стр. 37—39.

«Через ливонские я проезжал поля...». *Ливония* — наименование территории Латвии и Эстонии в средние века. *Лобзали рыцарскую шпору*. В XIII—XIV вв. Ливония находилась под властью немецкого духовно-рыцарского Ливонского ордена.

Mal'agia. Написано под впечатлением романа де Сталь «Коринна, или Италия», в 3-й главе 5-й книги которого содержится описание окрестностей Рима, близкое тютчевскому.

Цицерон. Возникло, по-видимому, под впечатлением известий о революции 1830 г. во Франции. *Цицерон* Марк Туллий (106—43 до н. э.) —

римский оратор, писатель и политический деятель. *Я поздно встал — и на дороге* и т. д. — слова Цицерона из произведения «Брут, или Диалог о славных ораторах», гл. 96 («Скорблю, что я, вступивши в жизнь, как бы в дорогу, с некоторым опозданием, прежде чем был окончен путь, погрузился в эту ночь республики»). *Капитолийская высота* (Капитолийский холм) — один из холмов Рима, в древности бывший неприступной крепостью; здесь помещался храм Юпитера, или Капитолий, величайшее святилище римлян. В день убийства Цезаря Цицерон, тогда вождь республиканской партии, на Капитолийском холме совещался с заговорщиками.

Silentium! Стихотворение дается в ранней редакции, соответствующей первой публикации в «Молве» 1832 г., с отступлением от правильного ямба в 1-й и 3-й строфах. Существует другая, так называемая «тургеневско-сушковская» редакция, в которой размер выправлен на правильный ямб.

«Как дочь родную на закланье...». Написано в связи с кампанией против царского правительства, развернувшейся в европейской печати после подавления польского восстания 1831 г. русскими войсками. *Агамемнон* — один из героев «Илиады» Гомера, верховный вождь греческого войска, осаждавшего Трою, решившийся принести в жертву богам свою дочь Ифигению, чтобы вымолить у них попутных ветров. Сжалившись над Ифигенией, богиня Артемида сохранила ей жизнь.

Янычары — солдаты турецкой армии; европейская печать в эти годы постоянно сравнивала Россию с Турцией, угнетающей Грецию. *Метá* — цель. *Орел одноплеменный* — орел изображался на гербах и царской России и Польши. *Феникс* (греч. миф.) — птица, возрождающаяся из собственного пепла.

Ночные мысли. Перевод стихотворения Гете «*Nachtgedanken*». *Оры* (греч. миф.) — богини, ведавшие сменой времен года и порядком в природе.

Весеннее успокоение. Перевод стихотворения немецкого поэта Людвиг Уланда (1787—1862) «*Frühlingsruhe*».

<Из Шекспира>. I. «Любовники, безумцы и поэты...». Перевод слов Тезея из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», акт V, сцена 1. *Елены красоту в цыганке смуглой*. Елена (греч. миф.) — дочь Зевса и Леды, жена спартанского царя Менелая, славившаяся своей красотой. II. *Песня* («Заревел голодный лев...»). Перевод отрывка из песни Пукка («Сон в летнюю ночь», акт V, сцена 2).

«На древе человечества высоком...». Посвящено памяти Гете, умершего 22 марта 1832 г.

К*** («Уста с улыбкою приветной...»). Адресат стихотворения не установлен.

Ргоblётне. Печатается по автографу из альбома Н. В. Гербея, куда было вписано Тютчевым 2 апреля 1857 г. (См. обоснование выбора этого текста во вступительной статье, стр. 39—40). В раннем варианте стихотворения четвертая строка читалась: «Или низвергнут *мыслящей* рукой».

А р ф а скальда. *Скальды* — певцы-поэты древней Норвегии и Исландии.

«Я лютеран люблю богослуженья е...». *Сих голых стен, сей храмины пустой.* В отличие от католического и православного, лютеранский храм внутри украшен очень скупо.

«Из края в край, из града в град...». Вариация на тему стихотворения Гейне «Es treibt dich fort von Ort zu Ort...».

«Я помню время золотое...». Обращено к баронессе Амалии Крюденер, урожденной графине фон Лерхенфельд, с которой Тютчев познакомился в 1822 г. Воспоминания Тютчева относятся, по-видимому, к этой ранней поре их знакомства.

Сон на море. Имеется вторая редакция этого стихотворения, где вольный метр выправлен на традиционный амфибрахий. Первое морское путешествие Тютчев совершил в 1833 г. из Мюнхена в Грецию с дипломатическим пору-

чением. *Кимвалы* — древний ударный музыкальный инструмент в виде металлических тарелок. *Огневица* — здесь, очевидно, заря. *Лавиринфы* — лабиринты.

«Нет, моего к тебе пристрастья...». *Синель* — сирень.

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...». В одном из автографов стихотворение называется «Ночные голоса».

«Восток белел. Ладья катилась...». *Выя* — шея.

«Душа моя — Элизium теней...». *Элизium* (греч. миф.) — место посмертного блаженства.

«Не то, что мните вы, природа...». 2-я и 4-я строфы стихотворения были исключены цензурой при первой публикации его в журнале А. С. Пушкина «Современник». Пушкин, несмотря на протест цензора А. Л. Крылова, настоял на том, чтобы пропущенные строфы были заменены точками. Строфы эти до нас не дошли.

«Вчера, в мечтах обвороженных...». Навеяно стихотворением В. Г. Бенедиктова «Три вида». О своем чтении Бенедиктова Тютчев писал И. С. Гагарину 3 мая 1836 г. *Вежды* (слав.) — веки. *Утихло вокруг тебя молчанье*. Подобное по-

строение образа встречается у С. Шихматова: «Здесь взор вседремлющий лишь видит ночь одну, здесь слух внимающий лишь слышит тишину...»

Итальянская villa. Относится ко времени пребывания Тютчева и его будущей второй жены, Эрнестины Дернаберг, в Генуе. *Тень элисейская* (греч. миф.) — тень, обитающая в стране помертного блаженства и успокоения душ умерших. *Юдоль* (церк.-слав.) — долина.

29-е января 1837. Является откликом на известие о смерти А. С. Пушкина.

1-е декабря 1837. Обращено к Эрнестине Дернаберг.

«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...». Написано по возвращении Тютчева из Генуи. *Киприда светлая всплыла*. Богиня любви и красоты Киприда (Афродита) родилась из морской пены у берегов острова Кипр (греч. миф.).

«С какою негою, с какою тоскою влюбленной...». Обращено, по-видимому, к Эрнестине Дернаберг.

День и ночь. По библейской легенде, сотворив мир, покрытый тьмой, бог сказал: «Да будет свет огневой, все обнаруживающий». В мировой романтической поэзии конца XVIII — начала XIX в. этот образ превратился в противо-

положный: день с его светом воспринимается теперь как покров над безднами и хаосом ночи.

«Глядел я, стоя над Невой...». *Исаак-великан* — Исаакиевский собор в Петербурге, построенный в 1819—1858 гг. по проекту архитектора А. А. Монферрана.

Колумб. Вариация заключительных строк из стихотворения Шиллера «Columbus»: «С гением природа в вечном союзе, — что один обещает, сдержит, наверное, другая».

Море и утес. Образ моря и утеса восходит к стихотворению В. А. Жуковского «Русскому великану», написанному незадолго до тютчевского под впечатлением революционных событий 1848 г. в Европе. Выражает взгляд Тютчева на царскую Россию как на силу, противостоящую революции.

«Еще томлюсь тоской желаний...». Посвящено памяти Элеоноры Тютчевой, первой жены поэта, умершей в 1837 г.

Русской женщине. Впервые опубликовано под заглавием «Моей землячке».

«Как дымный столп светлеет в вышине!...». Перекликается со стихотворением А. Ф. Мерзлякова «Ракета»: «Не сходна ль жизнь твоя, о смертный, с сим огнем? Не служит ли она изображеньем света?»

«Святая ночь на небосклон возшла...». См. примечание к стихотворению «День и ночь» (стр. 396—397).

«Итак, опять увиделся я с вами...». Написано в связи с посещением родовой усадьбы Тютчевых, села Овстуг, Брянского уезда, Орловской губернии, летом 1849 г. *Ах, и не в эту землю я сложил* и т. д. Первая жена Тютчева, Элеонора, похоронена вблизи Турина в Италии.

«Как он любил родные ели...». По-видимому, является откликом на строки из произведения Ламартина «*Les confidences*» («Признания» — книга IV, раздел 5), которое вышло отдельным изданием в 1849 г., а впервые было опубликовано во французской газете «*La Presse*» в январе 1849 г. В этом же году появился русский перевод «Признаний» Ламартина («Современник», 1849). Строки, очевидно, произведшие впечатление на Тютчева, в этом переводе звучат следующим образом: «Ветер так же мелодически шумит в ветвях трех елей, посаженных моей матерью... когда мне случается забыть там на минуту, меня пробуждают только шаги старого виноградаря, который служил у нас прежде садовником и который приходит иногда навестить свои растения, как я мои воспоминания и мечты». Если признать это произведение Ламартина источником тютчевского стихотворения, то следует уточнить дату его написания: прежде предполагалось, что оно написано в 1848 г.: следует, видимо, пред-

положить, что оно не могло возникнуть ранее 1849 г. *Своей Савойи дорогой*. Речь идет о родине Ламартина.

«Вновь твои я вижу очи...». *Киммерийская ночь*. В «Одиссее» Гомера описывается страна Киммерия, куда никогда не проникают лучи солнца. Киммерийцами назывались также древнейшие племена Северного Причерноморья; обозначение «киммерийский» входило в названия многих географических пунктов в районе Керченского полуострова.

Наполеон. Цикл стихотворений создавался на протяжении ряда лет. Раньше других написано восьмистишие «Два демона ему служили...», не пропущенное цензурой в 3-й том пушкинского «Современника» в 1836 г. В 1849 г. Тютчев включает в VII главу конспекта публицистического труда «Россия и Запад» строфу «И ты стоял — перед тобой Россия», возможно, тогда же переработанную в самостоятельное стихотворение под заглавием «Нерешенный вопрос» (3-я часть цикла). Первые пять строк возникли, вероятно, при окончательном оформлении цикла в начале 1850 г. Характеристика, данная Тютчевым Наполеону, близка той, которая дана ему Гейне в «Путевых картинах» и «Французских делах». *Да сбудутся ее судьбы!* Слова из приказа Наполеона по армии 22 июня 1812 г.: «Россия увлекаема роком, да свершатся ее судьбы». *Новая загадка* — слова, сказанные Наполеоном на острове Св. Елены:

«Через пятьдесят лет Европа будет либо под властью революции, либо под властью казаков». *На родину вернувшийся мертвец*. Тело Наполеона в 1840 г. было перевезено с острова Св. Елены в Париж.

Венеция. Обряд обручения венецианских дождей с Адриатическим морем, исполнявшийся ежегодно до конца XVIII столетия, неоднократно изображался и упоминался в произведениях европейских поэтов и прозаиков (Гете, граф Платен и др.). *Века три или четыре* и т. д. Расцвет Венецианской Республики относится к XII—XV вв. *Тень от львиного крыла*. Крылатый лев, эмблема св. Марка, покровителя Венеции, изображался на венецианском гербе. *Тяжкая цепь*. С 1814 по 1866 г. Венеция находилась под властью Австрии.

«Кончен пир, умолкли хоры...». *Амфоры* — греческие сосуды для вина.

«Под дыханьем непогоды...». *Вечер пламенный и бурный обрывает свой венок*. Образ восходит, возможно, к стихотворению Карамзина «Меланхолия»: «Но осень бледная, когда, изнемогая и томною рукой венок свой обрывая, она кончины ждет...»

«Обвеян вещью дремотой...». *Листье* — собирагельная форма от слова лист.

Графине Е. П. Ростопчиной. Посвящено поэтессе Евдокии Петровне Ростопчиной (1811—1858). *Мгла стигийская* (греч. миф.) — мгла, царящая в царстве мертвых, за рекой Стикс. *Фея-Нелюдимка* — намек на драму Ростопчиной «Нелюдимка», вышедшую в 1850 г.

Два голоса. Композиция и основная мысль стихотворения — спор двух голосов, из которых один говорит о безнадежности борьбы, а второй славит не сдающихся в упорной борьбе, — напоминает стихотворения А. Ф. Мерзлякова «Истинный герой» и «Два голоса». Сходное построение имеет также стихотворение Карамзина «Кладбище».

Наш век. *Я верю, боже мой!* и т. д. — цитата из Евангелия, слова отца больного, которого хочет исцелить Иисус: «Верую, господи! Помоги моему неверию!»

«Не остывшая от зною...». В 1850-е годы печаталось под заглавиями «Ночь в дороге» и «14 июля в ночь». 14 июля 1851 г. Тютчев выехал из Москвы в Петербург.

«В разлуке есть высокое значение...». Обращено к жене поэта, Эрнестине Федоровне Тютчевой, в письме к ней от 6 августа 1851 г.

«Не раз ты слышала признанье...». Обращено к Елене Александровне Денисьевой, возлюбленной поэта. Отношения Тютчева с Денисьевой продолжались четырнадцать лет, с 1850 по 1864 г. (год смерти Денисьевой). *Безымянный херувим* — дочь Тютчева и Денисьевой — Елена, родившаяся 20 мая 1851 г.

«Не знаю я, коснется ль благодать...». Посвящено жене Эрнестине Федоровне Тютчевой. В автографе помета на французском языке: «Для вас (чтобы прочесть наедине)». Стихотворение написано в первый год любви Тютчева к Е. А. Денисьевой и вложено им в принадлежавший жене гербарий, где найдено ею лишь в мае 1875 г., через два года после смерти поэта.

«Не даром милосердным богом...». Обращено к одной из дочерей поэта.

«О, как убийственно мы любим...». Навеяно любовью Тютчева к Е. А. Денисьевой, с которой поэт встретился за год перед тем, в июле 1850 г.

<Из Гете> («Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...»). Перевод песни Миньоны из романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера». 27 октября 1851 г. Тютчев послал его Н. В. Сушкову для напечатания в альманахе «Раут», оговариваясь в письме: «Романс Гете

несколько раз переведен был у нас, но так как эта пьеса — из числа тех, которые почти обратились в литературную поговорку, то она навсегда останется пробным камнем для охотников».

<Из Шиллера> («С озера веет прохлада и нега...»). Перевод песни сына рыбака, которой открывается I акт драмы Шиллера «Вильгельм Телль». Эпиграф — первые слова немецкого текста песни.

«Не говори: меня он, как и прежде, любит...». Наваяно любовью Тютчева к Е. А. Денисьевой. Ей же посвящен целый ряд стихотворений Тютчева 1850—1860-х годов: «О, не тревожь меня укорой справедливой...», «Чему молилась ты с любовью...», «Сияет солнце, воды блещут...», «Пламя рдеет, пламя пышет...» и др.

«Я очи знал, — о, эти очи!...». По-видимому, обращено к Денисьевой.

Памяти В. А. Жуковского. В «Современнике» 1854 г. под заглавием «На смерть Жуковского». Василий Андреевич Жуковский умер 11 апреля 1852 г. в Баден-Бадене и похоронен в Александро-Невской лавре. Тютчев присутствовал на похоронах поэта, с которым был знаком с юношеских лет. *Он были мне Омировы читал.* Свой перевод «Одиссеи» Гомера Жуковский чи-

•

тал Тютчеву в Эмсе в 1847 г. *Лишь сердцем чистые, те узрят бога* — цитата из Евангелия.

Неман. В автографе после заглавия помета: «Проездом через Ковно». Написано по пути из-за границы в Петербург в сентябре 1853 г., когда Тютчев останавливался в Ковно (Каунас). *Ты супостата к ней впустил. 12 июня 1812 г. армия Наполеона перешла Неман. Он сам — могучий южный демон. Наполеон, уроженец острова Корсики.*

Лето 1854. Перекликается со словами Тютчева из письма жене от 5 августа 1854 г.: «Какие дни! Какие ночи! Какое чудное лето! Его чувствуешь, дышишь им, проникаешься им и едва веришь всему этому сам».

«Теперь тебе не до стихов...». Отражает настроение Тютчева времени Крымской войны и начала героической обороны Севастополя. Вмешательство Англии, Франции и Сардинии в войну России с Турцией Тютчев воспринял как роковой поединок России с Западом.

«Вот от моря и до моря...». *Нить железная* — проволока телеграфа. *Уж не кровь ли ворон чует* и т. д. Стихотворение писалось в августе 1855 г., в последние дни обороны Севастополя, оставленного русскими войсками 9 сентября 1855 г.

«Эти бедные селенья...». Написано в городе Рославле, Орловской губернии, по пути из Москвы в Овстуг. Д. Д. Благой справедливо устанавливает связь этого стихотворения с предыдущим, указывая, что оно вызвано не только зрелищем угнетенной страны, но и мыслями о страданиях защитников Севастополя.

«О вещая душа моя!...». *Мария* (библ.) — раскаявшаяся грешница Мария Магдалина.

<Из Микеланджело> («Молчи, прошу, не смей меня будить...»). Перевод стихотворения Микеланджело Буонаротти (1475—1564) «Grato me sonno e più l'esser disasso». Тютчев перевел четверостишие Микеланджело сначала на французский, затем на русский язык.

«Не богу ты служил и не России...». Эпитафия Николаю I, умершему 18 февраля 1855 г. Особенно резко Тютчев отзывался об умершем царе после падения Севастополя: «Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, — писал он жене 17 сентября 1855 г., — нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека...». *Лицедей* — актер; человек, действующий под личиной; двуличный, ханжа.

1856 («Стоим мы слепо пред Судьбою...»). Записано Тютчевым в альбом писателя Г. П. Данилевского со словами: «С.-Петербург. 31 декабря

1855. — Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе? У меня собственно — никакой. Назвать вам мысль — чужая. Чья же именно!.. Это довольно трудно объяснить — да и не нужно. Ф. Тютчев». *Я не свое тебе открою*. В 1850-е годы Тютчев увлекался модным тогда спиритизмом, «столоверченьем», о чем писала его дочь Анна: «Странно, что дух этого стола как две капли воды похож на дух моего отца; та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог». *В громах родился Новый год*. Намек на события Крымской войны.

«Всё, что сберечь мне удалось...». Посвящено жене, Эрнестине Федоровне Тютчевой, в день ее рождения.

Н. Ф. Щербине. Посвящено Николаю Федоровичу *Щербине* (1821—1869), поэту, в творчестве которого широко представлены темы античности

«Прекрасный день его на Западе исчез...» Посвящено памяти Василия Андреевича Жуковского, со дня смерти которого 11 апреля 1857 г. исполнилось пять лет. Четверостишие было написано на форзаце 10-го тома «Сочинений» В. Жуковского (СПб., 1857), подаренного Тютчевым дочери Дарье. Экземпляр не сохранился.

<Из Ленау> («Когда, что звали мы своим...»). Вариации на тему стихотворения австрийского поэта Николауса Ленау (1802—1850) «Blick in den Strom». В 1858 г. печаталось под заглавием «Успокоение».

«Осенней поздней порою...». *Белокрылые виденья* — лебеди.

На возвратном пути. Впервые было напечатано в ином порядке: I. «Родной ландшафт... Под дымчатым навесом...», II. «Грустный вид и грустный час...» в газете «Наше время», 1860, № 1. Тот же порядок в списке в тетради дочери поэта, Екатерины. Печатается по автографу в письме Тютчева к дочери Дарье. *Леман* — Женевское озеро.

Е. Н. Анненковой. Написано в альбом Елизаветы Николаевны *Анненковой* (1840—1886), в замужестве кн. Голицыной.

«Хоть я и свил гнездо в долине...». Возможно, написано в Женеве, где Тютчев находился в октябре 1860 г.

На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского. Впервые опубликовано в газете «Наше время», 1861, № 8, в заметке «Юбилей князя П. А. Вяземского», после прочтения на банкете в честь пятидесятилетия литературной деятельности Петра Андреевича Вязем-

ского (1792—1878). *Досужая, она не мимоходом* и т. д. Переключка со словами П. А. Плетнева из письма Вяземскому от 5(17) января 1859 г.: «Недавно с Тютчевым я опять перечитал всю тетрадь вашу, и мы оба не могли не почувствовать, что сила, свежесть и грация стихов ваших идут в диаметральной сторону со счетом дней ваших: чем тяжелее груз последних, тем моложе и игривее характер первых».

Князю П. А. Вяземскому. В автографах имеется помета: «Петергоф. 12-ое июля». *Ваш торжествует юбилей.* День рождения Вяземского, праздновавшийся 12 июля 1861 г. в Петергофе.

«Иным достался от природы...». Долгое время печаталось со стихотворением «Тебе сердечный мой поклон...» как одно целое. Оба стихотворения обращены к поэту Афанасию Афанасьевичу Фету (Шеншину, 1820—1892), восторженному почитателю Тютчева. *Великая Мать* — сущность, душа, творческая сила природы.

«Как летней иногда порою...». В издании 1868 г. печаталось в виде двух самостоятельных стихотворений, первое — строфы 1—5 с заглавием «NN-ой», второе — строфы 6—9. Обращено к Надежде Сергеевне *Акинфиевой*, племяннице министра иностранных дел и государственного канцлера России князя А. М. Горча-

кова. *Она вертела, как хотела* и т. д. — намек на увлечение Горчакова Акинфиевой.

«У тихла биза... Легче дышит...». Написано в Женеве. Вместе со стихотворениями «О, этот Юг! о, эта Ницца!..» и «Весь день она лежала в забытьи...» послано Тютчевым в письме от 13 декабря 1864 г. А. И. Георгиевскому, родственнику умершей 4 августа 1864 г. Елены Александровны Денисьевой, для помещения в журнале «Русский вестник», членом редакции которого был Георгиевский. *Биза* — северный ветер на Женевском озере. *Белая Гора* — Монблан. *Одной могилой меньше было*. Е. А. Денисьева похоронена на Волковом кладбище в Петербурге.

«О, этот Юг! о, эта Ницца!..». Отражает душевное состояние поэта после смерти Е. А. Денисьевой.

Епсусіса. Отклик на энциклику (послание) папы Пия IX, опубликованную 26 ноября 1864 г. и осуждавшую в числе «заблуждений века» свободу совести. *Был день, когда господней правды молзт*. По-видимому, имеется в виду подавление восстания Иудеи против римского владычества римским полководцем Веспасианом Флавием, в 70 г. взявшим и разрушившим Иерусалим. *Первосвященник* — титул главы ветхозаветной, а со II—III веков и христианской церковной иерархии. С V века римский первосвященник официально именуется папой римским.

«Весь день она лежала в забытьи...». Посвящено воспоминаниям о последних днях жизни Е. А. Денисьевой.

«Как хорошо ты, о море ночное...». Написано в Ницце.

«Когда на то нет божьего согласия...». Обращено к дочери Дарье в память о прогулке 23 января 1865 г. и о разговоре, содержание которого нам неизвестно.

«Есть и в моем страдальческом застое...». Посвящено воспоминаниям о Е. А. Денисьевой.

«Он, умирая, сомневался...». Написано в связи со столетней годовщиной со дня смерти Ломоносова, исполнившейся 4 апреля 1865 г. Перед смертью Ломоносов высказывал опасения, что его полезные намерения, которых он не успел осуществить, умрут вместе с ним. *Борец ветхозаветный* — древнееврейский патриарх Иаков, по библейской легенде, до зари успешно борющийся с неким незнакомцем, оказавшимся богом.

«Как верно здравый смысл народа...». Эпиграмма на графа С. Г. Строганова, попечителя наследника престола, Николая Александровича, умершего в 1865 г. Было вырезано из издания 1868 г. по требованию Тютчева.

«Певучесть есть в морских волнах...». Эпиграф взят из стихотворения римского поэта IV в. до н. э. Авзония («*Epistolarum liber*», XXVIII, 13). Стихотворение печатается без четвертой строфы (по списку в альбоме М. Ф. Тютчевой-Бирилевой). Однако, как указывает Г. Чулков в Полном собрании сочинений Тютчева (1934, т. 2, стр. 405), в архиве Георгиевских имеется автограф этого стихотворения, где оно состоит из четырех строф. Так же оно было напечатано Тютчевым в журнале «Русский вестник». Четвертая строфа:

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест?

Без четвертой строфы стихотворение впервые появилось в издании 1868 г. под редакцией И. С. Аксакова. Однако возможно, эта строфа снята не самим Тютчевым, а И. С. Аксаковым, так как известно, что Аксакову не все нравилось именно в последней строфе стихотворения: 2 октября 1865 г. он писал А. Ф. Тютчевой: «В «Русском вестнике», в последней книжке, напечатаны стихи Федора Ивановича. Прекрасные стихи, полные мысли; не нравится мне в них одно слово, иностранное: протест». *Музыкальный* — музыкальный. *Мыслящий тростник*. Образ восходит к одной из «Мыслей» французского философа Паскаля: «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но эта тростинка мыслящая».

Другу моему Я. П. Полонскому. Написано в ответ на стихотворение Якова Петровича *Полонского* (1819—1898) «Ф. И. Тютчеву» («Ночной костер зимой у перевала...»).

«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...». Посвящено памяти Е. А. Денисьевой, с которой поэт встретился пятнадцать лет назад, в июле 1850 г.

Накануне годовщины 4 августа 1864 г. Написано накануне годовщины смерти Е. А. Денисьевой.

«Как ни бесилося злоречье...». По-видимому, вызвано толками о разводе Н. С. Акинфиевой с ее первым мужем В. Н. Акинфиевым (см. примечание к стихотворению «Как летней иногда порою...»):

«Когда дряхлеющие силы...». Впервые под заглавием «Еще князю П. А. Вяземскому». Написано в ответ на стихи Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», в которых высмеивался М. Н. Катков — редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Тютчев писал дочери Екатерине 3 января 1869 г.: «...натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец» (пер. с франц.). Стихотворе-

ние было вырезано из издания 1868 г. по требованию Тютчева.

На юбилей Н. М. Карамзина. Прочитано на вечере 3 декабря 1866 г. по случаю столетней годовщины со дня рождения Николая Михайловича Карамзина.

«Ты долго ль будешь за туманом...». Написано в связи с восстанием славянского населения острова Крит против турецкого владычества. Выражает надежду поэта на помощь восставшим со стороны России, что, по мнению Тютчева, могло бы стать началом осуществления его мечты о единой всеславянской державе в Европе.

«Тихо в озере струится...». Написано в Царском Селе.

В Риме. 13 января 1867 г. вписано в альбом княгини Елизаветы Эсперовны Трубецкой. Французский источник стихотворения не установлен. *Нерон* Клавдий Цезарь (37—68) — римский император.

Дым. Отклик на опубликование в 1867 г. романа И. С. Тургенева «Дым». Первое впечатление Тютчева от чтения романа сообщил Тургеневу Боткин: «...он только что прочел и очень недоволен. Признавая все мастерство, с которым нарисована главная фигура, он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть,

и на всякое отсутствие национального чувства». И. С. Тургенев вспоминал впоследствии: «Сам Ф. И. Тютчев, дружбой которого я всегда гордился и горжусь доньше, счел нужным написать стихотворение, в котором оплакивал ложную дорогу, избранную мною...» *Здесь некогда, могучий и прекрасный* и т. д. Тютчев имеет в виду творчество Тургенева 1840—1850-х годов, к которому относился восторженно. 13 сентября 1852 г. Тютчев писал жене о «Записках охотника»: «Тут проявляется такая сила таланта, что это благотворно действует на меня: чувство природы представляется мне каким-то откровением» (перев. с франц.).

С л а в я н а м. Впервые — под заглавием «Австрийским славянам». Эпиграф — слова австрийского министра иностранных дел графа фон Бейста. *Да, стенка есть — стена большая* и т. д. Речь идет о России и единстве с Россией славянских народов Европы. *Кой-где сорвали камня три*. Очевидно, имеется в виду поражение России в Крымской войне 1853—1856 гг.

«Опять стою я над Невой...». Связано с воспоминаниями о Е. А. Денисьевой.

П о ж а р ы. Написано в связи с пожарами лесов и торфяных болот под Петербургом летом 1868 г.

«Печати русской доброхоты...». Написано по поводу цензурных затруднений газеты славянофильского направления «Москва», издававшейся зятем Тютчева, И. С. Аксаковым. 13 апреля 1868 г. поэт писал брату, Н. И. Тютчеву, по поводу очередного предостережения, объявленного цензурой газете «Москва»: «Опасения мои были основательны: предостережение состоялось (...) Все они (цензоры. — Н. К.) более или менее мерзавцы, и, глядя на них, просто тошно, но беда наша та, что тошнота наша никогда не доходит до рвоты».

Мотив Гейне. Вольный перевод стихотворения Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht...».

«Вы не родились поляком...». Адресовано издателю-редактору реакционной газеты «Весть» В. Д. Скарятину. *Громите речью вы свободной* и т. д. Речь идет о выступлениях «Вести» против славянофилов, газета которых «Москва» в 1868 г. была закрыта.

Ю. Ф. Абазе. Посвящено Юлии Федоровне Абазе (ум. в 1915 г.), музыкантше и певице.

«Над Россией распростертой...». Эпиграмма на шефа жандармов П. А. Шувалова (1827—1889).

<Из Гете> («Радость и горе в живом упоеньи...»). Перевод песни Клары из драмы Гете «Эгмонт» (III акт, 2 сцена).

Гус на костре. Гус Ян (1369—1415) — чешский проповедник-реформатор, профессор и ректор Пражского университета, вдохновитель народного движения в Чехии, направленного против засилья немцев и католической церкви. Сожжен на костре по обвинению католической церковью в ереси. *Вероломный кесарь* — германский император Сигизмунд, признавший под давлением церковного Собора в Констанце недействительной выданную им Яну Гусу охранную грамоту, после чего Собор приговорил Гуса к сожжению как еретика. *Римский иерарх* — римский папа. *Тут и она — та старица простая* и т. д. По преданию, в адрес женщины, бросившей в костер вязанку хвороста, Яном Гусом были произнесены слова: «*Sancta simplicitas!*» («Святая простота!»). *О, доверщи же подвиг свой духовный* и т. д. Идея всеобщего, в том числе и религиозного, объединения славянских народов — излюбленная идея Тютчева.

К. Б. («Я встретил вас — и всё былое...»). По свидетельству Я. П. Полонского, стихотворение посвящено баронессе *Крюденер* Амалии Максимилиановне. *Я вспомнил время золотое*. Ей же посвящено стихотворение Тютчева «Я помню время золотое...».

«Веленью высшему покорны...». Написано в альбом Платона Александровича Вакара (1820—1899), члена Комитета иностранной цензуры, председателем которого был Тютчев.

«Брат, столько лет сопутствовавший мне...». Посвящено памяти старшего брата поэта, Николая Ивановича Тютчева (1801—1870).

«Чему бы жизнь нас ни учила...». Посвящено Александре Васильевне Плетневой (1826—1901), второй жене поэта и критика П. А. Плетнева.

«От жизни той, что бушевала здесь...». Написано под впечатлением поездки Тютчева в село Вщиж, Брянского уезда, где сохранились древние курганы и при раскопках обнаружены остатки древней церкви, склеп с громадным человеческим остовом и т. д. *От крови той, что здесь рекой лилась*. В XII в. Вщижское княжество было местом кровавых междоусобиц.

«Всё отнял у меня казнящий бог...». Написано во время предсмертной болезни поэта и обращено к жене, Эрнестине Федоровне Тютчевой.

Итальянская весна. Бессонница («Ночной порой в пустыне городской...»). Написаны во время предсмертной болезни поэта.

**ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ
СТИХОТВОРЕНИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА**

Стихотворения. СПб., 1854.

Стихотворения. М., 1868.

Полное собрание стихотворений, тт. 1—2. «Академія», М. — Л., 1933—1934.

Полное собрание стихотворений. Большая серия «Библиотеки поэта», Л., 1939.

Полное собрание стихотворений. Большая серия «Библиотеки поэта», изд. 2-е, Л., 1957.

ОГЛАВЛЕНИЕ ¹

Ф. И. Тютчев. <i>Вступительная статья</i> Н. Я. Берковского	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

<С. Е. Раичу> («Неверные преодолев пучины...»)	81 381
К оде Пушкина на вольность	82 382
Одиночество <Из Ламартина>	83 382
А. Н. М<уравьеву> («Нет веры к вы- мыслам чудесным...»)	85 383
<С. Е. Раичу> («На камень жизни ро- ковой...»)	86 383
Песнь радости (Из Шиллера)	88 384
Слезы («Люблю, друзья, ласкать оча- ми...»)	92 385
С чужой стороны (Из Гейне)	94 385
Друзьям при посылке «Песни радости» из Шиллера	95 385
К Н. («Твой милый взор, невинной стра- сти полный...»)	97 385
Песнь скандинавских воинов <Из Гер- дера>	98 385
Проблеск	100 386
В альбом друзьям (Из Байрона)	102 387

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

*

14-е декабря 1825	103 387
Вечер («Как тихо веет над долиной...»)	104
(Из Гейне) «Как порою светлый ме- сяц...»	105 387
Приветствие духа (Из Гете)	106 387
Вопросы (Из Гейне)	107 387
«За нашим веком мы идем...»	108 388
(Из Гейне) «Закралась в сердце грусть, — и смутно...»	109 388
<Из «Вильгельма Мейстера» Гете>	110 388
Полдень	112 388
Весенняя гроза	113 389
Могила Наполеона	114 389
Cache-cache	115 389
Летний вечер	117
Видение	118 389
Бессонница («Часов однообразный бой...»)	119 389
«Еще шумел веселый день...»	121
<Из Манцони> («Высокого предчувст- вия...»)	123 389
Лебедь	126
«В толпе людей, в нескромном шуме дня...»	127
«Ты зрел его в кругу большого света...»	128
<Из «Путевых картин» Гейне>	129 390
К N. N. («Ты любишь, ты притворствовать умеешь...»)	132 390
Утро в горах	133
Снежные горы	134 390
Последний катаклизм	135
«Как океан объемлет шар земной...»	136

Заветный кубок (<i>Из Гете</i>)	137	391
Конь морской	139	
«Здесь, где так вяло свод небесный...»	140	391
Двум сестрам	141	
Успокоение	142	391
Странник	143	
Безумие	144	391
«Через ливонские я проезжал поля...»	145	391
«Песок сыпучий по колени...»	146	
Осенний вечер	147	
Листья	148	
Альпы	150	
«Сей день, я помню, для меня...»	151	
Mal'agia	152	391
Цицерон	153	391
«Как над горячею золой...»	154	
Весенние воды	155	
Silentium!	156	392
«Как дочь родную на заклянье...»	157	392
«Всё бешеной буря, всё злее и злей...»	159	
Ночные мысли (<i>Из Гете</i>)	161	393
Весеннее успокоение (<i>Из Уланда</i>)	162	393
<Из Шекспира>	163	393
«На древе человечества высоком...»	165	393
К*** («Уста с улыбкою приветной...»)	166	393
Problème	167	394
Арфа скальда	168	394
«Я лютеран люблю богослуженье...»	169	394
«Из края в край, из града в град...»	170	394
«Я помню время золотое...»	172	394
Сон на море	174	394
«Нет, моего к тебе пристрастья...»	175	395

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»	176	395
«В душном воздуха молчанье...»	177	
«Что ты клонишь над водами...»	179	
«Вечер мгlistый и ненастный...»	180	
«И гроб опущен уж в могилу...»	181	
«Восток белел. Ладья катилась...»	182	395
«Как птичка, раннею зарей...»	183	
«Тени сизые смешались...»	185	
«Какое дикое ущелье!..»	186	
«С поляны коршун поднялся...»	187	
«Над виноградными холмами...»	188	
«Поток сгустился и тускнеет...»	189	
«О чем ты воешь, ветер ночной?..»	190	
«Душа хотела б быть звездой...»	191	
«Душа моя — Элизиум теней...»	192	395
«Там, где горы, убегая...»	193	
«Сижу задумчив и один...»	195	
«Зима недаром злится...»	197	
Фонтан	198	
«Яркий снег сиял в долине...»	199	
«Не то, что мните вы, природа...»	200	395
«Еще земли печален вид...»	202	
«И чувства нет в твоих очах...»	203	
«Люблю глаза твои, мой друг...»	204	
«Вчера, в мечтах обвороженных...»	205	395
Итальянская villa	207	396
29-е января 1837	209	396
1-е декабря 1837	211	396
«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...»	212	396
«С какою негою, с какою тоской влюбленной...»	214	396

«Смотри, как запад разгорелся...» . . .	215
Весна («Как ни гнетет рука судьбины...»)	216
День и ночь	218 396
«Не верь, не верь поэту, дева...» . . .	219
«Глядел я, стоя над Невой...»	220 397
Колумб	221 397
Море и утес	222 397
«Еще томлюсь тоской желаний...» . . .	224 397
Русской женщине	225 397
«Как дымный столп светлеет в вышине!..»	226 397
«Святая ночь на небосклон взошла...» .	227 398
«Неохотно и несмело...»	228
«Итак, опять увиделся я с вами...» . .	229 398
«Тихой ночью, поздним летом...» . . .	230
«Когда в кругу убийственных забот...» .	231
«По равнине вод лазурной...»	232
«Как он любил родные ели...»	233 398
«Вновь твои я вижу очи...»	234 399
«Слезы людские, о слезы людские...» . .	236
Наполеон	237 399
Поэзия	239
Рим ночью	240
Венеция	241 400
«Кончен пир, умолкли хоры...»	243 400
«Пошли, господь, свою отраду...» . . .	244
На Неве	245
«Под дыханьем непогоды...»	246 400
«Обвеян вещею дремотой...»	247 400
Графине Е. П. Ростопчиной	248 401
«Как ни дышит полдень знойный...» . .	250
«Не рассуждай, не хлопочи!..»	251

Два голоса	252	401
«Смотри, как на речном просторе...» . . .	253	
Первый лист	254	
Наш век	255	401
Волна и дума	256	
«Не остывшая от зною...»	257	401
«В разлуке есть высокое значенье...» . . .	258	401
«День вечерее, ночь близка...»	259	
«Не раз ты слышала признанье...»	260	402
«Не знаю я, коснется ль благодать...» . . .	261	402
«Как весел грохот летних бурь...»	262	
«Недаром милосердым богом...»	263	402
«О, как убийственно мы любим...»	264	402
<Из Гете> («Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...»)	266	402
<Из Шиллера> («С озера веет прохла- да и нега...»)	267	403
Предопределение	268	
«Не говори: меня он, как и прежде, лю- бит...»	269	403
«О, не тревожь меня укорой справедли- вой!...»	270	
«Чему молилась ты с любовью...»	271	
«Я очи знал, — о, эти очи!...»	272	403
Близнецы	273	
«Ты, волна моя морская...»	274	
Памяти В. А. Жуковского	276	403
«Сияет солнце, воды блещут...»	278	
«Чародейкою Зимою...»	279	
Последняя любовь	280	
Неман	281	404
Лето 1854	283	404

«Увы, что нашего незнания...»	284
«Теперь тебе не до стихов...»	285 404
«Пламя рдеет, пламя пышет...»	286
«Вот от моря и до моря...»	287 404
«Эти бедные селенья...»	288 405
«О вещая душа моя!..»	289 405
<Из Микеланджело> («Молчи, прошу, не смей меня будить...»)	290 405
«Не богу ты служил и не России...»	291 405
1856 («Стоим мы слепо пред Судь- бою...»)	292 405
«Так, в жизни есть мгновения...»	294
«Всё, что сберечь мне удалось...»	295 406
Н. Ф. Щербине	296 406
«Прекрасный день его на Западе исчез...»	297 406
«Над этой темною толпой...»	298
«Есть в осени первоначальной...»	299
«Смотри, как роща зеленеет...»	300
«В часы, когда бывает...»	301
«Она сидела на полу...»	303
<Из Ленау> («Когда, что звали мы своим...»)	304 407
«Осенней позднею порою...»	305 407
На возвратном пути	306 407
Е. Н. Анненковой	308 407
Декабрьское утро	310
«Хоть я и свил гнездо в долине...»	311 407
На юбилей князя Петра Андреевича Вя- земского	312 407
«Я знал ее еще тогда...»	315
Князю П. А. Вяземскому	316 408
«Играй, покуда над тобою...»	317

«Иным достался от природы...»	318 408
«Как летней иногда порою...»	319 408
«Утихла биза... Легче дышит...»	321 409
«О, этот Юг! о, эта Ницца!...»	322 409
Епсyclica	323 409
«Весь день она лежала в забытьи...»	324 410
«Как хорошо ты, о море ночное...»	325 410
«Когда на то нет божьего согласия...»	326 410
«Есть и в моем страдальческом застое...»	327 410
«Он, умирая, сомневался...»	329 410
«Как верно здравый смысл народа...»	331 410
«Певучесть есть в морских волнах...»	332 411
Другу моему Я. П. Полонскому	333 412
«Сегодня, друг, пятнадцать лет мину- ло...»	334 412
«Молчит сомнительно Восток...»	335
Накануне годовщины 4 августа 1864 г.	336 412
«Как неожиданно и ярко...»	337
«Ночное небо так угрюмо...»	338
«Нет дня, чтобы душа не ныла...»	339
«Как ни бесилося злоречье...»	340 412
«Когда сочувственно на наше слово...»	341
«Когда дряхлеющие силы...»	342 412
«Умом Россию не понять...»	343
На юбилей Н. М. Карамзина	344 413
«Ты долго ль будешь за туманом...»	346 413
«Тихо в озере струится...»	347 413
В Риме (с французского)	348 413
Дым	349 413
Славянам	351 414
«Как ни тяжел последний час...»	353
«Опять стою я над Невой...»	354 414

Пожары	355 414
«В небе тают облака...»	357
«Печати русской доброхоты...»	358 415
Мотив Гейне («Если смерть есть ночь, если жизнь есть день...»)	359 415
«Вы не родились поляком...»	360 415
«Нам не дано предугадать...»	361
«Две силы есть — две роковые силы...»	362
«Природа — сфинкс. И тем она вер- ней...»	364
Ю. Ф. Абазе	365 415
«Над Россией распростертой...»	366 415
«Как нас ни угнетай разлука...»	367
<Из Гете> («Радость и горе в живом упоеньи...»)	368 416
Гус на костре	369 416
К. Б. («Я встретил вас — и всё былое...»)	371 416
«Веленью высшему покорны...»	372 417
«Брат, столько лет сопутствовавший мне...»	373 417
«Чему бы жизнь нас ни учила...»	374 417
«От жизни той, что бушевала здесь...»	375 417
«Всё отнял у меня казнящий бог...»	376 417
Итальянская весна	377 417
Бессонница (<i>Ночной момент</i>)	378 417
Примечания	379
Основные издания стихотворений Ф. И. Тютчева	418

Редакционная коллегия:

*В. Н. Орлов (главный редактор),
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, В. М. Жирмунский,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

Тютчев Федор Иванович

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Я. С. Билинкис*

Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *О. К. Ковалева*

Сдано в набор 21/XII 1961 г. Подписано в печать 4/V 1962 г. Бумага 84×108^{1/64}. Печ. л. 6^{11/16}
I вкл. (11,02). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 50 000.
Заказ № 1733. Цена 42 коп.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
209	2 сл.	И, осененный, опочил,	И осененный опочил

Ф. И. Тютчев. Стихотворения

